ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

АВГУСТЪ 1882.

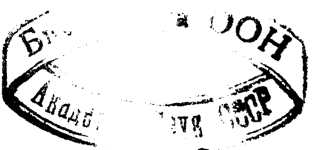
А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN 1882.
B. BEHR'S VERLAG (E. BOCK).
LEIPZIGER STRASSE 37.

„Пров 38“

Чшк
К

233
37

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Вступленіе 1

I. 5

II. 34

III. 62

О нынѣшнемъ положеніи сельскаго населенія . . . 78

Отзывъ по поводу книги: „Письма о современномъ состояніи Россіи“ соч. Р. А. Фадѣева 88

Давно начинаю я, свои книжки и нѣкоторыя статьи, выраженіемъ, что „нынѣшнее наше положеніе крайне тяжко“; а про себя думаю: нѣтъ! уже хуже ничего быть не можетъ, и долженъ же наконецъ наступить поворотъ къ лучшему. Дѣйствительно было наступилъ такой поворотъ; Россія было ожила; надежды, дѣятельность ея было воскресли; но ужасная катастрофа 1-го марта повергла всѣхъ въ горе — почти въ отчаяніе. Послѣ того, въ теченіи двухъ мѣсяцовъ, Россія была какъ въ забытьи. Уходъ съ своихъ мѣстъ троихъ людей, внушавшихъ странѣ всего болѣе къ себѣ довѣрія, заставилъ ее очнуться — воскресли страхи и опасенія. Затѣмъ послѣдовали въ дѣйствіяхъ правительства полнѣйшая неопредѣленность и даже противорѣчія; а въ обществѣ, въ народѣ — совершенная неизвѣстность, что́ дѣлать и чего ожидать; и вмѣстѣ съ тѣмъ пошли всюда слухи самые тревожные, хотя нелѣпые, однако сильно людей волновавшіе или подавлявшіе. Въ прошломъ году, въ изданной мною въ Берлинѣ книжкѣ („Гдѣ мы? Куда и какъ идти?“), я сказалъ: „Особенно важно, особенно настоятельно — принятіе того или другаго рѣшенія безъ всякаго отлагательства. Ны-

нѣшняя неизвѣстность и неопредѣленность хуже всего — она убійственна и для дѣлъ и для людей.“

Да! дѣйствительно таково было наше положеніе годъ, даже два мѣсяца тому назадъ; и казалось, что оно уже ухудшиться не можетъ, развѣ дальнѣйшимъ своимъ продленіемъ. А на дѣлѣ оказалось, что оно еще можетъ ухудшиться и даже значительно.

Давно ли Россія, вся Россія, на всемъ ея пространствѣ, во всѣхъ ея закоулкахъ, ликовала по случаю увольненія гр. Толстаго отъ должности министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода! Всѣ думали, что наконецъ воспитаніе и обученіе дѣтей обратятся на путь естественный, разумный, душевный, истинно русскій, и сойдутъ съ тѣхъ искуственныхъ, безжизненныхъ и ложныхъ стезей, гдѣ только научали склонять и спрягать латинскія слова, гдѣ умъ овеществлялся и притуплялся, гдѣ чувство придавлялось и уничтожалось, и гдѣ развивались и могли развиваться въ учащихъ и учащихся только ложь и лицемѣріе. Всѣ надѣялись, что наконецъ высшія и среднія учебныя заведенія выдутъ изъ подъ того страшнаго гнёта, подъ которымъ они, по милости нѣсколькихъ лжеклассиковъ-безумцевъ, томились и изнывали, и что первоначальныя народныя школы, изъ подъ чиновничьихъ формальныхъ и нелѣпыхъ распорядковъ, возвратятся наконецъ въ завѣдываніе земствъ и городовъ, всего ближе заинтересованныхъ въ развитіи на мѣстахъ народнаго образованія. Многіе утѣ-

шались также мыслью, что авось и церковь наша оживетъ; что іерархи ея, изъ чиновниковъ и человѣко- и властоугодниковъ, обвѣшанныхъ орденами, обратятся въ настоящихъ учителей и пастырей людей, проникнутся духомъ истиннаго христіанства, и будутъ дѣйствовать самостоятельно, не какъ люди міра сего преходящаго, а какъ люди дѣйствительно отъ него отрекшіеся и руководимые только истинами вѣчнаго ученія Христова; и что наконецъ церковь наша будетъ православною не по имени только, а дѣйствительно и неуклонно.

Такъ думали, такъ чаяли; но дѣйствительность оказалась совершенно иною.

30 мая состоялся Высочайшій указъ, повелѣвавшій гр. Д. А. Толстому быть — министромъ внутреннихъ дѣлъ!

Слухъ объ этомъ назначеніи, быстро распространившійся и въ столицахъ и въ провинціи, вездѣ встрѣтилъ полныхъ невѣровъ. „Нѣтъ!“ говорили всѣ „это быть не можетъ. Нѣтъ! это уже невозможно“.

Правительственный Вѣстникъ и другія газеты вскорѣ убѣдили, что и невозможное иногда становится дѣйствительнымъ.

Гр. Толстой — опять министръ и уже не какой либо второстепенной части, а министръ внутреннихъ дѣлъ — отрасли управленія всегда весьма важной, а въ настоящее время такой, которая заключаетъ въ себѣ почти всю суть государственнаго управленія, которой должны быть болѣе или менѣе

подчинены всѣ прочія дѣла и учрежденія, и которая требуетъ теперь самыхъ существенныхъ и самыхъ неотложныхъ преобразованій.

Впечатленіе, произведенное этимъ извѣстіемъ, никакими словами выражено быть не можетъ. Всѣ ошалѣли При встрѣчахъ только говорили другъ другу: „знаете, гр. Толстой — министръ внутреннихъ дѣлъ.“ Вздыхали, руками разводили и ничего къ этому не прибавляли.

Да! это былъ ударъ, всѣхъ ошаломившій — загадка, для всѣхъ не разрѣшимая!

Давно живу я на бѣломъ свѣтѣ; хорошо помню царствованія Александра I, Николая I и Александра II; много было назначеній на высшія административныя должности; иныя общественнымъ мнѣніемъ одобрялись и имъ радовались; другія осуждались и объ нихъ печалились; но такого назначенія, которое огорчило и поразило бы всѣхъ — за исключеніемъ развѣ очень немногихъ, ни перечетъ извѣстныхъ, — еще никогда не бывало.

Повторю прежде мною поставленный вопросъ: „Гдѣ мы?“ И прибавлю: что́ же теперь?

I.

Въ теченіи первыхъ пятнадцати мѣсяцовъ новаго царствованія, было заявлено правительствомъ чрезвычайно много добрыхъ намѣреній, и приступлено даже къ ихъ осуществленію: и сокращеніе расходовъ, и окончательное прекращеніе зависимости остальныхъ крестьянъ отъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ, и облегченіе выкупныхъ платежей, и оказаніе помощи крестьянамъ при покупкѣ ими земли, и приступъ къ отмѣнѣ подушнаго налога, и обсужденіе мѣръ къ сокращенію пьянства, къ облегченію и упорядоченію переселеній для малоземельныхъ крестьянъ, и преобразованіе всего мѣстнаго управленія и даже пересмотръ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ съ составленіемъ проекта гражданскаго уложенія — однимъ словомъ, великое множество существенныхъ и самыхъ неотложныхъ вопросовъ было выдвинуто и поставлено на первую очередь къ разрѣшенію. Казалось, какъ Россіи не оживиться, какъ всѣмъ не исполниться самыхъ живыхъ надеждъ и какъ не напречь всѣхъ усилій къ оказанію правительству, въ этомъ случаѣ, полнѣйшаго

содѣйствія! А на дѣлѣ — выходитъ совершенно иное и даже противуположное.

Государственные расходы наши конечно очень велики, но они еще не столько огромны, сколько безпутны, непроизводительны и даже вредоносны. Взгляните на наше безчисленное чиновничество: много на него тратится, но оно получаетъ, по большей части, жалованіе недостаточное, и вынуждено, разными законными и незаконными способами, его пополнять; и вслѣдствіе того, оно кое-какъ и по большей части очень плохо исполняетъ свои служебныя обязанности. Перечтите въ любомъ городѣ казенныя зданія, которыя надо отопливать, содержать и исправлять; и ихъ непремѣнно окажется вдвое, втрое противъ дѣйствительной въ нихъ надобности. А сколько исписывается бумаги и посылается телеграммъ для испрошенія и дачи совершенно ненужныхъ, чисто формальныхъ разрѣшеній! Сколько командируется чиновниковъ для ревизій, повидимому необходимыхъ а дѣйствительно безполезныхъ, и для собиранія свѣденій какъ будто не письменныхъ а на мѣстахъ полученныхъ, но въ сущности также бюрократически пріобрѣтенныхъ! Вникните въ разные „экстраординарные расходы,“ въ производство торговъ, въ оказаніе пособій промышленности и торговли, и пр.; и васъ ужасъ обхватитъ; и вы подумаете, что казна не знаетъ куда дѣвать деньги, въ излишкѣ у нея находящіяся. Для сокращенія и упорядоченія расходовъ имѣется коммиссія, уже нѣсколько лѣтъ существующая;

и сверхъ того, состоялись, безпрестанно повторяются высочайшія повелѣнія о возможномъ охраненіи казенныхъ интересовъ и о сокращеніи расходовъ; но изъ кого состоитъ упомянутая коммиссія, кому даются высочайшія повелѣнія и при какихъ обстоятельствахъ? Коммиссія состоитъ изъ *однихъ сановниковъ*, коснѣющихъ въ бюрократизмѣ, ничего кромѣ его не признающихъ возможнымъ къ осуществленію, и едва успѣвающихъ подписывать подаваемыя имъ бумаги; а высочайшія повелѣнія даются этимъ же сановникамъ, при существующихъ условіяхъ, не допускающихъ и помышленія о какомъ-либо иномъ болѣе разумномъ производствѣ дѣлъ. Слѣдовательно все идетъ, при установившихся порядкахъ, такъ, какъ можетъ и какъ иначе и не можетъ идти. — О расходахъ по военной части, которые могли бы быть значительно сокращены, мы уже говорили и довольно обстоятельно въ книжкѣ, изданной въ прошломъ году; а потому здѣсь повторять этого не будемъ *).

Необходимость окончательнаго прекращенія обязательныхъ отношеній остальныхъ крестьянъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ, и пониженія выкупныхъ платежей по мѣстностямъ, гдѣ крестьяне платятъ за землю болѣе дѣйствительной ея стоимости — сознавалась вездѣ и всѣми, и была поводомъ къ ходатайствамъ отъ многихъ земскихъ собраній. Печать также усердно занималась этою общественною нуж-

*) Гдѣ мы? Куда и какъ идти. Берлинъ, 1881, стр. 53—55.

дою, и старалась разъяснить различные ея виды и способы ей помочь. Наконецъ правительство признало необходимость этой реформы, и для того пригласило „свѣдущихъ людей“ изъ разныхъ мѣстностей, въ надеждѣ получить отъ нихъ нужныя мѣстныя свѣденія и узнать вѣрнѣе чего, поэтому предмету, желаетъ общественное мнѣніе и какъ лучше его удовлетворить. Три министра съ тринадцатью „свѣдущими людьми“ занялись обсужденіемъ этого дѣла; но, къ несчастью, выработанныя ими мнѣнія грѣшили незнаніемъ крестьянскаго быта, отсутствіемъ практичности и пристрастіемъ къ какимъ-то теоретическимъ измышленіямъ. Прекращеніе временно-обязательныхъ отношеній крестьянъ было положено въ основаніе заключеній коммиссіи; но затѣмъ вздумали: 1) лишить помѣщиковъ 20% изъ цѣнности отошедшихъ отъ нихъ земель, вопреки Высочайше утвержденному положенію 1861 года, и несмотря на значительное вздорожаніе земель за послѣдніе двадцать лѣтъ; 2) подарить всѣмъ крестьянамъ огульно по одному рублю съ каждаго душеваго надѣла; и 3) оказать особенное пособіе по выкупнымъ платежамъ тѣмъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, „кои, по случаю разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, находятся въ особенно растроенномъ хозяйственномъ положеніи.“ Всѣ эти три предположенія исходили не изъ знанія сельскаго быта вообще и понятій крестьянъ въ особенности, а изъ ложнаго, теоретическаго и противнаго Положенію 19 февраля 1861 года измыш-

ленія, что выкупаются крестьянами не земли а лежавшія на нихъ крѣпостныя повинности*). Оно противорѣчило точнымъ и положительнымъ словамъ упомянутаго закона, и сверхъ того, обще установившемуся убѣжденію крестьянъ, которые, при жалобахъ на тяжесть выкупныхъ платежей, всегда выставляютъ худобу полученныхъ ими земель и несоразмѣрность ихъ оцѣнокъ съ дѣйствительною ихъ стоимостью. „Свѣдущіе люди“ какъ будто не знали, что всѣ крестьяне, получившіе въ надѣлъ плохія и слѣдовательно дорого оцѣненныя земли, представлены помѣщиками на обязательный выкупъ еще до истеченія первыхъ девяти лѣтъ по ихъ освобожденіи; что остались въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ тѣ крестьяне, которые владѣютъ лучшими землями и которые состоятъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ; и что слѣдовательно не было никакой достаточной причины къ наказанію послѣднихъ сокращеніемъ слѣдующихъ имъ выкупныхъ суммъ, и къ нарушенію положительныхъ словъ закона. Сверхъ того, гг. „свѣдущіе люди“ упустили изъ виду и то, что и прежде и очень недавно состоялись, между крестьянами и помѣщиками, добровольныя соглашенія на счетъ уплаты

*) Это мнѣніе высказывалось и упорно защищалось въ „Руси“ и, какъ говорятъ, въ „Совѣщаніи свѣдущихъ людей“ однимъ и тѣмъ же земцемъ. Къ сожалѣнію, ни въ „Совѣщаніи“ ни правительствомъ не было обращено вниманія на многочисленныя и вполнѣ основательныя опроверженія этой ошибочной и неосновательной теоріи, напечатанныя въ другихъ журналахъ и газетахъ.

пятой части, т. е. упомянутыхъ 20%, нынѣ отмѣненныхъ; и что, по этимъ соглашеніямъ, деньги многими крестьянами вполнѣ уплачены, а нѣкоторыми еще теперь уплачиваются или имѣютъ быть уплаченными. Очевидно, что наказывались лучшіе помѣщики и тѣ крестьяне, которые повѣрили словамъ правительства, и что награждались изъ послѣднихъ тѣ, которые не полагались на его слова и ожидали лучшаго отъ будущаго. Не сочтутъ ли крестьяне свое прежнее довѣріе ошибкою или глупостью, и не послужитъ ли это къ утвержденію въ нихъ увѣренности въ новыхъ, ими ожидаемыхъ, хотя еще не объявленныхъ, но, по ихъ мнѣнію, неминуемыхъ надѣлахъ? Странно, что большинство „свѣдущихъ людей“ признало справедливымъ огульное пониженіе на одинъ рубль со всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ, зная (а не знать этого они не могли), что многія выкупленныя или подлежащія выкупу земли теперь стóятъ вдвое и втрое болѣе закономъ утвержденныхъ оцѣнокъ, и что этотъ сложенный рубль, для крестьянъ хлѣбородныхъ мѣстностей, будетъ почти вовсе нечувствителенъ и неблагодѣтеленъ, а въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ, отдаленныхъ отъ рѣкъ и городовъ, онъ очень недостаточно облегчитъ крестьянскую бѣдственность. Такое заключеніе „свѣдущихъ людей“ болѣе чѣмъ странно и объясняется только однимъ — они увлеклись краснорѣчіемъ или поддались настойчивости того оратора, который имѣлъ въ виду присвоеніе всей крестьянской земли государству и перенесеніе

со временемъ всѣхъ выкупныхъ платежей на общія государственныя средства; чему, въ нынѣ слагаемомъ рублѣ, онъ усматривалъ какъ бы начало или задатокъ. Что же касается до оказанія пособій тѣмъ крестьянамъ, которые „по случаю разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, находятся въ особенно растроенномъ хозяйственномъ положеніи,“ то это предположеніе до того странно, неясно и сбивчиво выражено, что трудно понять какъ, даже петербургскіе бюрократы могли его сочинить. На основаніи этой редакціи, крестьяне селеній, выгорѣвшихъ два, три раза въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, или посѣщенныхъ тифомъ, чумою на рогатый скотъ, голодомъ, градомъ и пр. имѣютъ право ходатайствовать о пониженіи выкупныхъ платежей. Есть ли тутъ какой-либо смыслъ? Исполняется ли этимъ цѣль, бывшая при учрежденіи коммиссіи по пониженію выкупныхъ платежей? Теперь уже собраны уѣздными управами и доставлены въ Петербургъ свѣденія, затребованныя въ исполненіе упомянутой редакціи; какое должно быть въ нихъ разнообразіе! Не знаю, что́ сдѣлаетъ съ ними петербургская бюрократія, и не понимаю какія заключенія дадутъ губернскія земскія собранія по этимъ свѣденіямъ и по проекту, на нихъ основанному, о распредѣленіи добавочныхъ пониженій по выкупнымъ платежамъ*).

*) Теперь уже разосланы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по губерніямъ выписки, до нихъ относящіяся, изъ докладовъ центральнаго статистическаго комитета о распредѣленіи добавочнаго пониженія выкупныхъ платежей. Въ нѣкоторыхъ губер-

Мудра задача и едва ли этимъ способомъ разрѣшима! А она была и не особенно головоломна и совершено иная; но для этого нужно было знать настоящее положеніе крестьянъ и понятія ихъ о выкупномъ дѣлѣ, и не увлекаться теоретическими измышленіями. Не было никакой надобности въ сбавкѣ рубля со всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ; а слѣдовало понизить всѣ тѣ выкупные платежы, которые превышали дѣйствительную цѣнность земли

ніяхъ, полученіе этихъ выписокъ совпало съ чрезвычайными земскими собраніями, бывшими по случаю неурожая; а потому онѣ были переданы губернскими управами на обсужденіе собраній. Надо сказать, что центральный статистическій комитетъ сдѣлалъ все что могъ: онъ тщательно выписалъ цифры изъ донесеній уѣздныхъ управъ, не скупился на соображенія, обобщилъ и округлилъ отдѣльныя данныя, и вывелъ свои заключенія. Ни противъ чего нельзя разумно возражать: возраженія были бы столь же произвольны, сколько и предположенія. Уѣздныя управы и собранія, имѣя передъ собою задачу неразрѣшимую, руководствовались самыми разнообразными соображеніями; а потому, по одной и той же губерніи, почти при одинакихъ условіяхъ, одни испрашивали значительныя, другія — среднія, третьи — очень малыя сбавки, а нѣкоторыя, къ великому удивленію, не требовали никакихъ пониженій, хотя за ихъ уѣздами числятся большія выкупныя недоимки. Всѣ эти земскія заключенія, при отсутствіи надлежащаго, имъ указаннаго основанія, были совершенно произвольныя. Центральный статистическій комитетъ, какъ учрежденіе подначальное, не могъ отказаться отъ этой тяжкой, безсмысленной работы, и сдѣлалъ что было возможно. Шибко опасаюсь, что губернскія земскія собранія, еще не заѣденныя бюрократизмомъ и формализмомъ, крайне затруднятся дачею заключеній дѣльныхъ и разумныхъ. Пожалуй, въ виду такаго непроизводительнаго, тяжкаго, почти невозможнаго труда, иныя собранія, въ эти чрезвычайные созывы, и не съѣдутся въ законномъ числѣ; право, не хватитъ духа, ихъ за это осуждать.

и притомъ до самой этой стоимости; а узнать ее, по разнымъ мѣстностямъ, было много легче, чѣмъ собирать свѣденія о тѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, „кои, по случаю разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, находятся въ растроенномъ хозяйственномъ положеніи.“ Свѣденія о цѣнности земель имѣются въ кадастраціонныхъ трудахъ министерства государственныхъ имуществъ; и сверхъ того, такія свѣденія, безъ особенныхъ затрудненій, могли быть доставлены уѣздными и губернскими управами. И девяти, сперва назначенныхъ, милліоновъ рублей было бы вѣроятно съ избыткомъ достаточно на пониженіе всѣхъ выкупныхъ платежей до настоящихъ размѣровъ цѣнности земель.

Нужда крестьянъ въ землѣ, вслѣдствіе умножающагося населенія, истощенія почвы и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ освобожденіе земледѣльцевъ, усиливается съ каждымъ днемъ, и оказаніе имъ, въ этомъ отношеніи, посильной помощи, становится дѣломъ совершенно необходимымъ и неотложнымъ. Распродажа дворянствомъ земель и переходъ ихъ въ руки купцовъ и кулаковъ, сдающихъ пріобрѣтенныя ими земли въ наемъ по жидоморскимъ цѣнамъ, суть также обстоятельства, значительно усиливающія бѣдственное положеніе крестьянъ, и вынуждающія къ принятію самыхъ дѣйственныхъ и спѣшныхъ мѣръ по этому важному и настоятельному дѣлу. Земства и печать обратили на него должное вниманіе, и только

нѣкоторые маньяки да близорукіе своекорыстники ищутъ отвлечь общественное мнѣніе отъ этой заботы: первые толкуютъ объ искуственныхъ тукахъ, о травосѣяніи и пр., и думаютъ этими способами помочь крестьянству, въ одержащихъ его нуждахъ; а послѣдніе рады всякому предлогу лишь бы уклониться отъ исполненія этой обязанности. Указываемыя агрономическія средства конечно сами по себѣ не дурны; но, въ видѣ оказанія пособій крестьянству, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, они совершенно непригодны; ибо, для пользованія ими, нужны свободныя деньги и нѣкоторое образованіе, чего у крестьянъ теперь нѣтъ и не скоро будетъ. Своекорыстники же думаютъ, что чѣмъ земледѣльцы будутъ болѣе нуждаться въ землѣ, тѣмъ дешевлѣ будутъ рабочіе и тѣмъ дороже земли могутъ сдаваться въ наемъ; но они упускаютъ изъ виду, что крайная нужда однихъ и излишнее владычество другихъ могутъ привести къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Нѣкоторыя земства опредѣлили, изъ своихъ небольшихъ капиталовъ, денежныя суммы на выдачу крестьянамъ ссудъ при покупкѣ ими земель; другія составили на этотъ предметъ проекты банковъ или особыхъ ссудныхъ отдѣленій при губернскихъ управахъ, и представили эти проекти на утвержденіе высшаго правительства. Нѣкоторые изъ этихъ проектовъ замѣчательны по правильности постановки и разрѣшенія этого вопроса. Очевидно, что ни правительство ни земство отдѣльно не въ состояніи исполнить эту задачу:

послѣднее для этого не имѣетъ достаточныхъ капиталовъ и не пользуется такимъ кредитомъ, который могъ бы обеспечить его билетамъ устойчивое и повсѣмѣстное обращеніе въ имперіи; а правительство находится внѣ возможности надлежащимъ образомъ оцѣнивать покупаемыя крестьянами земли и удостовѣряться въ дѣйствительности какъ нуждъ крестьянъ, такъ и состоявшихся между ними и продавцами сдѣлокъ. Сверхъ того, крестьянскія общества страшно боятся имѣть дѣло съ казенными мѣстами и чиновниками, и едва ли рѣшатся, при незначительныхъ покупкахъ, а ихъ должно быть всего болѣе, обращаться съ своими ходатайствами къ гг. директорамъ и ихъ подчиненнымъ; ибо послѣдніе, какъ бы, въ частной жизни, ни были просты и милы, считаютъ долгомъ, въ своихъ вицемундирахъ, быть важными и едва доступными. — Очень жаль, что министерство финансовъ не обратило надлежащаго вниманія на представленные губернскими земскими собраніями (въ томъ числѣ рязанскимъ) проекты, которые освобождали правительство отъ всякихъ хлопотъ и рисковъ, возлагая ихъ всѣ на земства, ходатайствовавшія только объ отпускѣ имъ правительственныхъ ссудныхъ билетовъ подъ полную отвѣтственность губернскихъ земствъ. Что́ могло быть для правительства и легче и безопаснѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для дѣла полезнѣе? Понимаемъ, что правительство не желало и не могло этого важнаго дѣла (оказанія помощи крестьянству, при покупкѣ имъ земли) пере-

дать акціонернымъ банкамъ; но земства дѣйствуютъ и не могутъ иначе дѣйствовать, какъ съ полною гласностью. Слѣдовательно не было никакой опасности, чтобы они заполонили крестьянство и вздумали изъ этого извлекать какія-либо выгоды. Вмѣсто этого, былъ внесенъ министромъ финансовъ въ государственный совѣтъ проектъ положенія о правительственномъ крестьянскомъ поземельномъ банкѣ; тамъ расмотрѣнъ, и 18 мая сего года Высочайше утвержденъ. Много въ этомъ проектѣ хорошого и разумнаго; но имѣются и странныя, чисто петербургскія бюрократическія правила: всякая ссуда крестьянамъ изъ всѣхъ губерній разрѣшается, если она въ нормальномъ размѣрѣ, то петербургскимъ совѣтомъ банка; а если она предполагается по спеціальной оцѣнкѣ, то, по представленію совѣта, утверждается министромъ финансовъ. Спрашивается: имѣетъ ли петербургское центральное учрежденіе возможность знать что-либо особеннаго относительно покупаемой крестьянами земли и не вынуждено ли оно во всемъ осиовываться на представленіи, ему сдѣланномъ отъ его губернскаго отдѣленія? А что усмотритъ г. министръ финансовъ изъ спеціальной ему представленной оцѣнки? Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ, одна формалистика и болѣе ничего. Сверхъ того, потеря времени, неизбѣжная на испрошеніе упомянутыхъ разрѣшеній, не только затруднитъ ссуды изъ казны крестьянамъ, но сдѣлаетъ ихъ почти невозможными. Вѣдь земли, по большей части, продаются по нуждѣ;

Академия

а она рѣдко расположена выжидать исполненія всѣхъ формальностей, требующаго не мало времени. — На основаніи ст. 20 Положенія, для выдачи крестьянамъ ссудъ по спеціальной оцѣнкѣ требуются: ходатайство о томъ мѣстной уѣздной земской управы и самая оцѣнка, ею же произведенная. Спрашивается: дѣйствуетъ ли управа, въ этихъ случаяхъ, безотвѣтственно или съ отвѣтственностью, и съ чьею — собственною ли своею или всего уѣзднаго земства? Объ этомъ не сказано ни слова; если управа дѣйствуетъ безотвѣтственно, то ея тутъ какъ будто нѣтъ; въ противномъ же случаѣ, ни управа ни земство не примутъ на себя отвѣтственности по дѣлу, которымъ распоряжается, и по взысканіямъ и по торгамъ, совершенно иное — правительственное учрежденіе. — Замѣчательна и самая организація этого государственнаго банка и его отдѣленій: онъ устроивается не при государственномъ банкѣ и не при выкупномъ учрежденіи, а самостоятельно; ему даются: директоръ съ жалованьемъ и столовыми въ 5 тыс. руб., три члена по 3 т. руб., разные дѣлопроизводители, бухгалтеры, кассиръ и счетчикъ; на писцовъ ассигнуется 2500, на канцелярскіе расходы 3000, и на отопленіе, освѣщеніе и сторожей 1000 руб.; при этомъ, въ примѣчаніи, оговоривается „чтобы ни въ какомъ случаѣ общій на содержаніе совѣта расходъ не превышалъ 50 тыс. рублей въ годъ.“ На губернскія отдѣленія банка назначенія нѣсколько скромнѣе; но все-таки предсѣдателю ассигнуется жалованія

2000 руб., члену по назначенію губернатора доба вочнаго 750, членамъ отъ земства — ничего, бухгалтеру 1000, на писцовъ 1200, и на канцелярскіе расходы, наемъ помѣщенія и пр. 3000 руб. Если это кому любо, то уже очень дорого казнѣ, которой придется выплачивать всѣ эти расходы; а въ земскихъ проектахъ (и именно въ рязанскомъ) предполагалось не устроивать никакого особаго банка, а вести это дѣло при губернской управѣ, въ ея помѣщеніи и ея служащими, и только впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи, устроить при управѣ особое отдѣленіе. Можно навѣрное сказать, что, въ началѣ и даже довольно долго, этому правительственному банку придется газеты читать и папиросы курить, ибо не скоро крестьяне рѣшатся обращаться къ нему за ссудами; и если ему удастся побѣдить отвращеніе крестьянъ отъ казенныхъ учрежденій, то честь и слава будутъ ему великія. — Нельзя, при этомъ случаѣ, не выразить удивленія и сокрушенія, что въ то время, когда особенно много говорятъ о сокращеніи расходовъ и казенныхъ учрежденій, вновь создается, безъ всякой необходимости, совершенно новое учрежденіе съ значительнымъ штатомъ и такими же расходами. Нѣтъ! пока господствуетъ бюрократія, она отъ своихъ правилъ и обычаевъ не отступится!

Давно идутъ у насъ толки объ отмѣнѣ подушной подати. Еще въ 1870 году, составленный правительственною податною коммиссіею проектъ о преобразованіи этого налога въ подворный, былъ

переданъ на расмотрѣніе и заключеніе губернскихъ земскихъ собраній; но какъ онъ не упразднялъ противнаго земскому духу раздѣленія гражданъ на податныя и привилегированныя сословія, и оставлялъ всю тяжесть подушнаго налога на первыхъ, то собранія почти единогласно забраковали этотъ проектъ и высказались за распространеніе на всѣхъ гражданъ обязанности по платежу подати, имѣющей замѣнить подушную. Къ сожалѣнію, правительство тогда не воспользовалось этимъ добрымъ и вполнѣ разумнымъ заключеніемъ земства; ограничились въ Петербургѣ составленіемъ свода трудовъ земскихъ собраній и разныхъ статистическихъ свѣденій, и напечатаніемъ ихъ въ нѣсколькихъ толстыхъ томахъ. Позднѣе, въ 1878 или 1879 году, составленъ былъ тою же коммиссіею проектъ поразряднаго налога; но этотъ проектъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ не оффиціальнымъ путемъ, былъ тщательно разобранъ и обсужденъ въ газетахъ и въ журналахъ, и также вполнѣ справедливо осужденъ. Затѣмъ состоялось новое Высочайшее повелѣніе о безотлагательной отмѣнѣ подушной подати; и, въ исполненіе его, обнародованъ отъ 18 мая сего года Высочайшій указъ, коимъ, съ 1 января 1883 г., освобождены отъ платежа подушной подати мѣщане, безземельные крестьяне и дворовые люди, приписанные къ волостямъ, и крестьяне, получившіе въ даръ четвертую часть высшаго надѣла. Сверхъ того повелѣно: „совершить замѣну подушной подати постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, по мѣрѣ

изысканія новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ"; и вмѣнено въ обязанность министру финансовъ представить ,,на утвержденіе предположенія о порядкѣ постепенности отмѣны подушной подати съ прочихъ разрядовъ плательщиковъ, а также о тѣхъ источникахъ государственныхъ доходовъ, посредствомъ которыхъ могутъ быть возмѣщены государственному казначейству суммы, этою податью доставляемыя". Нельзя конечно не порадоваться такому облегченію людей, изъ которыхъ большинство находится въ тяжкой бѣдности; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не пожалѣть, что такое благое, необходимое и безотложное преобразованіе совершается постепенно, по частямъ, и должно закончиться только по истеченіи нѣсколькихъ, (говорятъ, восьми) лѣтъ. Кто поручится, что, въ продолженіи этого времени, мы будемъ пользоваться миромъ, и что никакія невзгоды не отвлекутъ правительства отъ окончанія начатаго дѣла? Сверхъ того, странно, почти непонятно, какъ такую значительную подать, каковою у насъ подушная, отмѣнять или по крайней мѣрѣ начинать ея отмѣну, не рѣшивши и даже не указавши тотъ или тѣ новые налоги, которые должны доставить суммы, нынѣ отъ нея получаемыя. Мелкими сборами или налогами ее замѣнить — невозможно; какъ бы не пришлось новымъ налогомъ обложить, хотя въ иномъ видѣ, нѣкоторыхъ или даже многихъ изъ нынѣ освобождаемыхъ отъ подати; это даже неизбѣжно, но очень не удобно. А потому радость, возбуж-

даемая началомъ отмѣны подушной подати, значительно умѣряется неизвѣстностью, чѣмъ покроются суммы нынѣ ею доставляемыя, какъ и когда все это совершится. Нельзя не быть признательнымъ Государю за добрыя его намѣренія; но приходится усомниться въ государственной мудрости его совѣтниковъ, предпринимающихъ важное преобразованіе и еще не вѣдущихъ какъ его завершить.

Что̀ сказать о мѣрахъ, прежде предполагавшихся къ сокращенію пьянства и нынѣ ожидаемыхъ къ „урегулированію питейной торговли“? Первыхъ было заявлено очень много и разныхъ сортовъ. Мѣры, изложенныя въ первоначальномъ проектѣ министерства финансовъ, были до того ничтожны, что объ нихъ не стоитъ и говорить. Гг. „свѣдущіе люди“ выдвинули иныя мѣры, но такія, которыя доказали несомнѣнно лишь то, что они не только не знаютъ питейнаго дѣла, но и не вѣдуютъ нашего ни сельскаго, ни земскаго быта. Сочувственно отозваться объ общественныхъ кабакахъ — это отъ земскихъ людей просто невѣроятно: имѣются, быть можетъ, въ Россіи исключительныя мѣстности, гдѣ Евреи грабятъ народъ, и гдѣ, пожалуй, общественные кабаки могутъ быть желательны; но, въ великороссійскихъ губерніяхъ, они были бы язвою хуже чумы — они окончательно бы изказали, похоронили, уже и безъ того искаженное крестьянское самоуправленіе. Предлагать сдачу питейныхъ заведеній съ торговъ, порученіе ихъ производства земскимъ учрежденіямъ и

на нихъ же возложеніе надзора за винною торговлею — это значитъ или полное невѣденіе духа и смысла земства или желаніе окончательнаго его растройства и даже уничтоженія. Да и въ государственно-хозяйственномъ смыслѣ, хорошо предоставленіе земству хозяйничения по государственнымъ неокладнымъ сборамъ! Казна конечно не дочла бы нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей въ своихъ доходахъ по этой части, и притомъ безъ всякой пользы для народа. Съ радостью земскіе люди узнали, что на труды такъ называемыхъ „свѣдущихъ людей“, приглашенныхъ хотя и изъ среды гласныхъ (и въ семьѣ бываетъ не безъ урода), не будетъ обращено вниманія, и что министерство финансовъ предполагаетъ выработать по сему предмету что-то иное. — На дняхъ узнали мы, что состоялось новое Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ учрежденіи губернскихъ и областныхъ коммиссій „для всесторонней на мѣстахъ предварительной разработки вопроса о питейной торговлѣ“; что эти коммиссіи имѣютъ состоять, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ разныхъ сословныхъ, городскихъ и земскихъ должностныхъ лицъ, и изъ разныхъ правительственныхъ управляющихъ; что онѣ могутъ требовать, отъ кого хотятъ, всякія свѣденія по питейной торговлѣ, и приглашать, кого признаютъ нужнымъ, въ свои засѣданія также для полученія необходимыхъ по этой части свѣденій; и что онѣ

имѣютъ составить свои предположенія: „а) о пользѣ и возможности сокращенія числа означенныхъ (питейныхъ) заведеній (съ раздробительною продажею крѣпкихъ напитковъ, не исключая трактировъ), или, по крайней мѣрѣ, иначе, болѣе равномѣрнаго и правильнаго распредѣленія ихъ, соотвѣтственно пространству и численности населенія; б) о допущеніи того или другаго вида заведеній съ продажею питей въ той или другой мѣстности; в) о способахъ сдачи въ содержаніе разрѣшеннаго числа и вида заведеній; г) о внутреннемъ устройствѣ этихъ заведеній и объ условіяхъ торговли въ оныхъ (распивочно и на выносъ или только на выносъ); д) о возможности установленія таксы на чарочную продажу вина, для предупрежденія чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ на вино; и е) о способахъ установленія правильнаго и дѣйствительнаго надзора за виноторговлею, и вообще о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для урегулированія торговли крѣпкими напитками, въ видахъ огражденія народной нравственности“. Затѣмъ говорится, въ этомъ мнѣніи государственнаго совѣта, и объ инструкціяхъ губернскимъ и областнымъ коммиссіямъ, и о срокахъ для доставленія имъ свѣденій разными учрежденіями, и о разработкѣ этихъ разныхъ свѣденій и предположеній въ министерствѣ финансовъ, и о сношеніяхъ съ другими министерствами, наконецъ и о внесеніи въ государственный совѣтъ проекта „общихъ правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками въ связи съ соотвѣтственными измѣненіями

въ Положеніи о трактирномъ промыслѣ“. Сколько тутъ прекрасныхъ намѣреній, мудрыхъ предъусмотрѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ, какая ширь и какое раздолье для дѣятельности бюрократіи! Сколько испишется бумаги, сколько напечатается разныхъ сводовъ и вѣдомостей, и сколько составится соображеній и заключеній! Сколько на это потребуется времени! А въ концѣ концевъ — эти изъ разныхъ мѣстъ доставленныя свѣденія, на бумагѣ изложенныя разсужденія и предположенія, бюрократія съумѣетъ такъ обобщить, что живаго, дѣйствительнаго ничего въ нихъ не останется, и сочинится проектъ кому на посмѣяніе а многимъ на горе! Удивительно какъ нынѣшній министръ финансовъ, человѣкъ умный, ученый и проведшій свою жизнь внѣ міра петербургскаго бюрократизма, поддался такъ скоро и такъ всецѣло его обоянію! Задачи, возложенныя на губернскія и областныя коммиссіи, весьма значительны; они потребуютъ продолжительныхъ, усидчивыхъ, добросовѣстныхъ и разнородныхъ трудовъ; а между тѣмъ эти коммиссіи составлены изъ лицъ, уже и безъ того обремененныхъ своими собственными по должности занятіями, и вѣроятно не изучившихъ винной торговли или мало съ нею знакомыхъ; что же изъ этого можетъ выйти? Очистка номера, т. е. составленіе вѣдомостей по свѣденіямъ кое-какъ собраннымъ, и сочиненіе соображеній и заключеній коммиссіи, изготовленное ея дѣлопроизводителемъ — однимъ изъ чиновникомъ губернаторской канцеляріи. А въ

Петербургѣ, изъ вороха полученныхъ свѣденій и разнорѣчивыхъ и даже противорѣчивыхъ предположеній, нѣсколько чиновниковъ будутъ дѣлать извлеченія и своды; пораженные разноголосицею доставленныхъ свѣденій и мнѣній, неизбѣжною при разнообразіи мѣстностей нашей имперіи, они непремѣнно отнесутся свысока, презрительно къ этимъ отзывамъ, и постараются ихъ обобщить и тѣмъ облегчить работу своему начальству; а послѣднее, утомленное сбытіемъ съ рукъ текущихъ дѣлъ, едва имѣетъ досугъ посвятить часокъ законодательнымъ работамъ. Прискорбно, что, въ вышеизложенномъ мнѣніи государственнаго совѣта, расчитывается болѣе на имѣющія быть составленными формальныя и мелочныя правила по торговлѣ виномъ, чѣмъ на свободную мѣстную дѣятельность крестьянскихъ обществъ, земскихъ и городскихъ учрежденій. Конечно отрадно видѣть что предположенія „свѣдущихъ людей“, на счетъ порученія земству завѣдованія винною торговлею, устранены; но не много лучше будетъ народу, да и самому правительству, если все будетъ регулировано до мѣлочей и надъ всемъ будетъ только обязательный надзоръ со стороны правительственныхъ агентовъ. Желательно, чтобы новыя ожидаемыя правила были сколь возможно малосложнѣе и короче; чтобы крестьянскимъ обществамъ было положительно разрѣшено составлять приговоры съ зарокомъ пить вино; чтобы личнымъ землевладѣльцамъ было воспрещено (это очень важно и вполнѣ справедливо) открывать пи-

тейныя заведенія на ихъ земляхъ, кромѣ базарныхъ и ярмарочныхъ площадей, и заводовъ или фабрикъ, отстоящихъ отъ селеній на двѣ или на три версты; чтобы не было никакихъ сдачь винной торговли съ торговъ а разрѣшеніе ея оставлено было на усмотрѣніи крестьянскихъ обществъ, при соблюденіи извѣстныхъ установленныхъ условій; чтобы патенты на винную торговлю на выносъ были много дешевлѣ, чѣмъ патенты на питейныя заведенія и пр. Такія правила могутъ быть полезны; и даже бюрократіи авось не удастся ихъ изказить. — Не могу здѣсь мимоходомъ не сказать, что наблюденіе акцизнаго вѣдомства за винокуреніемъ и винною торговлею, въ послѣдніе годы, значительно ослабѣло и ухудшилось; и что упущенія и злоупотребленія, существующія по другимъ вѣдомствамъ, переходятъ, а отчасти уже и перешли въ акцизное.

Что касается до переселенческаго вопроса, сперва возбужденнаго печатью, потомъ принятаго подъ свое покровительство администраціею, и наконецъ въ тихомолку обсуждавшагося „свѣдущими людьми“; то много лучше было бы не ставить его, легкомысленно и неосторожно, на очередь къ разрѣшенію. Вопросъ этотъ не только важенъ и неотложенъ, но даже жгучь; но отнестись къ нему слѣдовало съ крайнею осторожностью и даже съ нѣкоторымъ страхомъ. Нашъ народъ вообще чрезвычайно склоненъ къ перекочевкамъ: не одно дѣйствительное малоземеліе, не одна малопроизводительность почвы и не одни уже испытанныя притѣс-

ненія со стороны сосѣднихъ землевладѣльцевъ, побуждаютъ крестьянъ къ отысканію новыхъ мѣстъ для поселенія; нерѣдко ихъ на то рѣшаетъ просто потребность въ просторѣ. Выселяются всего болѣе не изъ сѣверныхъ или западныхъ худопочвенныхъ губерній, а изъ черноземныхъ, и не изъ бывшихъ помѣщичьихъ селеній, а изъ казенныхъ, гдѣ, по большей части, надѣлы вовсе не недостаточны. Вопросъ этотъ, какъ и многіе другіе, у насъ чрезвычайно мало изученъ, а только съ поверхности схваченъ; а потому слѣдовало его не въ Петербургѣ обсуждать, а предварительно изучить какъ въ мѣстахъ, откуда люди переселяются, такъ и тамъ, куда переселенія направляются, съ изслѣдованіемъ того, какъ люди передвигаются и какъ они наконецъ усаживаются. Согласно ли было съ государственною мудростью, осмотрительностью и дальновидностью призывать, въ качествѣ „свѣдущихъ людей“, однихъ и тѣхъ же земцевъ по двумъ вопросамъ питейному и перселенческому, ничего общаго между собою не имѣющимъ? Возможно ли было приглашать на обсужденіе дѣла о переселеніяхъ, не приготовивши предварительно свѣденій о свободныхъ казенныхъ земляхъ и о пригодности ихъ къ заселенію? Людей дѣйствительно свѣдущихъ по переселенческому вопросу у насъ чрезвычайно мало; онъ вовсе не изслѣдованъ и не разработанъ; печать отнеслась къ нему крайне легкомысленно; очень жаль, что администрація послѣдовала ея примѣру. И это тѣмъ прискорбнѣе и

злополучнѣе, что въ народѣ ходятъ самые нелѣпые слухи и о новыхъ земельныхъ надѣлахъ и о переселеніяхъ на казенный счетъ съ освобожденіемъ отъ рекрутчины и отъ податей на многіе годы. Можно положительно сказать, что въ крестьянствѣ у насъ теперь очень неспокойно, и что правительству, въ этомъ отношеніи, необходимо дѣйствовать съ особенною осторожностью.

Учрежденіе особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, объявленное въ концѣ октября истекшаго года, оживило было общество и народъ вообще, ибо всѣ страшно страдаютъ отъ неурядицы и произвола существующаго управленія, и не гдѣ нибудь въ глуши а вездѣ — на всемъ пространствѣ нашей имперіи. Назначеніе предсѣдателемъ этой коммиссіи человѣка, пользовавшагося доброю славою и расположеніемъ къ нему общественнаго мнѣнія, особенно вслѣдствіе довѣрія къ нему бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ гр. Лорисъ-Меликова, возбуждало надежду, что предполагаемые проекты будутъ составлены не бюрократически и въ томъ именно направленіи, которое одно можетъ успокоить и удовлетворить страну. Въ такомъ ожиданіи утверждали ее особенно слова сообщенія, обѣщавшія устройство мѣстнаго управленія „проникнутаго во всѣхъ своихъ частяхъ единствомъ руководящаго начала, съ возможнымъ уменьшеніемъ числа отдѣльныхъ учрежденій и присутствій, усиленіемъ мѣстной разрѣшающей власти

вообще, и сокращеніемъ стѣсняющихъ формальностей". Особенно общественное мнѣніе радовалось тому, что, въ упомянутомъ сообщеніи, говорилось „о необходимости установленія *живой* связи между администраціею и общественнымъ управленіемъ". Конечно нѣкоторыя умолчанія и опущенія въ этомъ правительственномъ объявленіи (вовсе не упоминалось о призывѣ общественнаго мнѣнія къ участію въ этомъ дѣлѣ) внушали опасенія и порождали даже недовольства; но страна такъ натерпѣлась и такъ вѣровала въ благія намѣренія юнаго своего Государя, что надежды значительно превышали недоумѣнія и опасенія. Прошло цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ безъ свѣденій о томъ, что́ дѣлается въ этой коммиссіи, и общественное мнѣніе начинало крайне этимъ тревожиться. Наконецъ, въ самыхъ послѣднихъ числахъ апрѣля, напечатаны въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" извѣстія о занятіяхъ особой коммиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія. Эти извѣстія произвели на читателей странное впечатленіе — и пріятное и грустное. Коммиссіи предоставленъ былъ обширный, почти ни чѣмъ неограниченный кругъ дѣйствій; она не предрѣшила никакихъ основныхъ вопросовъ по устройству мѣстнаго управленія; она какъ бы высказывалась за бо́льшее привлеченіе земскихъ учрежденій къ веденію мѣстныхъ дѣлъ; наконецъ она заявляла вполнѣ здравыя и современныя понятія о полиціи, о самоуправленіи, объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ и объ ихъ отношеніяхъ къ централь-

нымъ властямъ, и пр. — все это радовало и ободрало общественное мнѣніе. Но, съ другой стороны, объявлялось, что въ составъ этой коммиссіи вошли *шестьнадцать сановниковъ*, изъ которыхъ многіе извѣстны какъ заклятые бюрократы; что составъ коммиссіи можетъ быть усиливаемъ, *по соглашенію предсѣдателя ея съ министромъ внутреннихъ дѣлъ*, мѣстными „свѣдущими людьми"; и что труды этой коммиссіи „подлежатъ, по изготовленіи ихъ, *безотлагательному внесенію, въ законодательномъ порядкѣ*, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ заключеніями тѣхъ министровъ, до вѣдомства коихъ труды сіи будутъ касаться". Что же это, говорили многіе, какъ не чистѣйшая бюрократическая стрѣпня! Въ Петербургѣ — трудами или вѣрнѣе сказать, по приказаніямъ и подъ внушеніями посѣдѣлыхъ бюрократовъ, будутъ изготовляться, младшими бюрократами, проекты мѣстнаго управленія, и затѣмъ они поступятъ прямо въ Государственный Совѣтъ, и поднесутся на Высочайшее утвержденіе! Нѣтъ! Боже насъ упаси отъ такой напасти! Къ существующимъ неурядицамъ и нелѣпостямъ, мы уже притерпѣлись и съ ними кое-какъ справляемся; новыя же ломки и порядки, измышленные людьми не знающими нашего быта и его условій, окончательно насъ растроятъ и сокрушатъ. Нѣтъ! старая бѣда. много легче новой. Такъ утѣшительныя ожиданія замѣнялись сѣтованіями и даже явнымъ ропотомъ. Новѣйшее оффиціальное сообщеніе въ Правительственномъ Вѣст-

никѣ, нисколько не успокоило общество: оно узнало что коммиссія работаетъ усердно, что она уже имѣла 26 засѣданій въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцовъ, и что къ осени будетъ изготовленъ подкоммиссіями рядъ предположеній, которыя и будутъ внесены на обсужденіе коммиссіи въ полномъ ея составѣ. Сверхъ того, въ упомянутомъ сообщеніи, подтверждалось, что „заключенія коммиссіи будутъ въ свое время представлены на окончательное обсужденіе Государственнаго Совѣта, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ заключеніями тѣхъ министровъ, до вѣдомства коихъ оныя будутъ касаться". — Это сообщеніе особенно мало утѣшительно послѣ состоявшагося указа 30 мая сего года!

Иное нока дѣйствіе произвело извѣстіе объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, комитета для пересмотра дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и для составленія проекта гражданскаго уложенія. Въ составъ этого комитета имѣютъ войти лица „близко знакомыя съ судебною практикою и теоріею гражданскаго права". Комитету и его редакціонной коммиссіи предоставлено приглашать въ свои засѣданія чиновъ судебнаго вѣдомства, професоровъ гражданскаго права и всѣхъ тѣхъ лицъ, мнѣнія которыхъ могутъ быть полезны для дѣла. Работы редакціонной коммиссіи имѣютъ быть отпечатаны *для общаго свѣдѣнія* и для разсылки на заключеніе тѣхъ лицъ и учрежденій, мнѣнія коихъ признано будетъ полезнымъ имѣть въ виду. По расмотрѣніи проекта въ

комитетѣ, исправленный имъ проектъ будетъ вновь отпечатанъ также *для общаго свѣденія* и разосланъ на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ. По истеченіи шести мѣсяцовъ со времени разсылки этого исправленнаго проекта, подвергнутся обсужденію комитета всѣ заявленные на проектъ отзывы и замѣчанія, и затѣмъ, окончательно исправленный комитетомъ проектъ будетъ внесенъ, установленнымъ порядкомъ, въ Государственный Совѣтъ. Слава Богу, въ этомъ правительственномъ сообщеніи упоминается, что проектъ два раза печатается „для общаго свѣденія“; что отзывы и замѣчанія расматриваются и въ редакціонной коммиссіи и въ комитетѣ; и что въ нихъ приглашаются лица, мнѣнія которыхъ они признаютъ полезными для дѣла. Какъ не порадоваться, что въ этомъ правительственномъ документѣ уже нѣтъ помина о „свѣдущихъ людяхъ“, что не страшатся печатать „для общаго свѣденія“, и что этому юридическому труду дается вполнѣ разумное и цѣлисоотвѣтственное направленіе! Конечно можно бы пригласить выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній для расмотрѣнія въ первый разъ исправленнаго комитетомъ проекта — этого желаютъ всѣ; но какъ очевидно что этотъ комитетъ не страшится гласности, ибо два раза печатаетъ свой проектъ „для общаго свѣденія“, то есть надежда, почти увѣренность, что онъ самъ предложитъ и будетъ просить о созывѣ упомянутыхъ выборныхъ; ибо въ уложеніи, кромѣ юридическихъ вопросовъ, имѣются и бытовые, ко-

торые въ немъ очень важны и существенны, и которые ни кѣмъ не могутъ быть лучше обсужены и разрѣшены какъ земскими представителями.

Сколько благихъ намѣреній и начинаній въ первый пятьнадцатимѣсячный періодъ новаго царствованія, но сколько и промаховъ со стороны администраціи! Какъ мало дѣйствительной пользы получено отъ состоявшихся рѣшеній, и какъ мало ея предвидится отъ нихъ и въ будущемъ! И въ какое время все это происходитъ? Тогда, когда страна находится въ самомъ тяжкомъ положеніи; когда необходимо ее оживить и умиротворить; когда каждый часъ дорогъ; и когда всѣ ожидаютъ неотложныхъ и совершенно необходимыхъ преобразованій! И все это отъ чего? Отъ того, что не хотятъ вникнуть въ потребности страны и времени; что опасаются возможныхъ бѣдъ и не видятъ дѣйствительныхъ, надъ нами висящихъ; что идутъ путемъ устарѣлымъ — бюрократическимъ съ нѣкоторыми малопригодными отъ него отступленіями; и что не рѣшаются вступить на путь, единственно нынѣ возможный — проложенный, но, къ сожалѣнію, не всегда удержанный покойнымъ Александромъ II.

Какой же это путь?

II.

Въ прежнія времена, государи считали земли и людей, ихъ заселявшихъ, своею собственностью и распоряжались ими какъ хотѣли. Возникали возмущенія, случались сверженія съ престола и даже убійства; но одни лица замѣнялись другими; порядки же оставались все одни и тѣ же. Были изъ этого общаго правила изключенія: существовали и въ древности республики; сзывались и у насъ вѣчи и земскіе соборы; но и тѣ и другіе не были нормальными, общими явленіями человѣческаго быта. Теперь дѣло обстоитъ совершенно иначе: конечно еще не вездѣ люди живутъ, какъ жить имъ подобаетъ — самостоятельно и свободно; но всѣ чувствуютъ въ томъ потребность, и всѣ болѣе или менѣе къ тому непремѣнно стремятся. Теперь, въ Европѣ, только въ двухъ странахъ, произволъ стоитъ выше закона; да и самый законъ въ нихъ не есть выраженіе мнѣнія, потребностей и желаній страны, а изволеніе однаго лица, дѣйствующаго по докладу [illegible] людей, къ нему приближенныхъ, иногда далеко непроворливыхъ, часто руководимыхъ собственными интересами, и всегда, по необходимости,

мало знающихъ страну, ими управляемую. Имѣются, пожалуй, и совѣты и комитеты, но они составлены изъ лицъ того же закала; а потому и дѣйствуютъ одинаково. До освобожденія крѣпостныхъ людей, такіе порядки были у насъ возможны, умѣстны и почти законны: одни считались вещами, продаваемыми и покупаемыми; а другіе подкуплены были возможностью ими владѣть. Но пришло время, когда несправедливость, неразумность и неестественность такого порядка вещей не могли быть далѣе терпимы; и Александръ II премудро и вполнѣ благовременно положилъ имъ конецъ. Многіе люди, даже умные и благонамѣренные, но близорукіе, не вникавшіе въ требованія развивавшихся обстоятельствъ и приверженные къ существовавшимъ, весьма для нихъ удобнымъ порядкамъ, всячески старались отвратить Государя отъ совершенія этого великаго и настоятельнаго дѣла; они дѣйствовали на него убѣжденіями, интригами и разными застращиваніями; но, къ счастью Россіи и къ Его славѣ, Онъ устоялъ въ своемъ благомъ намѣреніи. Затѣмъ Онъ даровалъ Россіи земскія и городскія учрежденія, судъ гласный и изустный, и нѣкоторую свободу печати — прямыя и необходимыя послѣдствія первой великой реформы. — Къ прискорбью, злодѣйское покушеніе 4 апрѣля 1866 года сильно потрясло Государя и приблизило къ нему людей, враждебныхъ совершеннымъ имъ преобразованіямъ. Они не дерзали прямо имъ противудѣйствовать, а тѣмъ мѣнѣе предлагать ихъ отмѣну;

но они всячески — явно и тайно — ихъ искажали своими разъяснительными и внушительными циркулярами. Изъ этого и вышли, въ странѣ нашей, страшная путаница и полнѣйшая неурядица какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ понятіяхъ управляющихъ и управляемыхъ. И крамола, ужасная крамола, отъ которой мы такъ много пострадали, обязана этимъ язвамъ своимъ началомъ и развитіемъ.

Есть еще люди, которые и теперь думаютъ, что можно возвратиться къ порядкамъ дореформеннымъ и дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали Николай I и исполнители Его воли; но во первыхъ, тѣ порядки уже и тогда не соотвѣтствовали нарождавшимся потребностямъ народа и времени; и тогда и не разъ, поднимались вопросы объ освобожденіи крѣпостныхъ людей и о другихъ необходимыхъ преобразованіяхъ; но Государь медлилъ, не рѣшался; и послѣдствіями того были: страшное разстройство во внутреннемъ управленіи Россіи, упадокъ ея силъ, общее недовольство ея жителей, злополучія крымской войны, и наконецъ необходимое ея прекращеніе, хотя и на условіяхъ парижскаго трактата. А во вторыхъ, освобожденіе крѣпостныхъ людей и лишеніе ихъ владѣльцевъ привилегіи ими распоряжаться какъ собственностью, произвело въ людяхъ такой переворотъ, что всѣ они стали совершенно иными. Другія реформы, произведенныя вслѣдъ за этою первою, еще болѣе измѣнили нашъ бытъ, наши понятія и даже наши чувства.

Великая наша бѣда и едва ли не источникъ

всѣхъ прочихъ бѣдъ, есть то, что до сихъ поръ, и особенно въ правительственныхъ сферахъ, многіе, по личнымъ интересамъ, не хотятъ видѣть — другіе, по близорукости и непрактичности, дѣйствительно не видятъ, а иные просто по лѣни, безпечности и по расположенію къ любимымъ русскимъ „авось“, и „какъ нибудь“, не считаютъ еще нужнымъ признать — что нынѣшнія времена, потребности и средства къ ихъ удовлетворенію, совершенно иныя чѣмъ тѣ, которыя существовали до 1861 года. Есть даже газета, пользующаяся особымъ благоволѣніемъ въ нѣкоторыхъ высшихъ кругахъ, которая, изъ корыстныхъ цѣлей или по полной непрактичности или по безумію (вѣдь и умные люди бываютъ ему подвержены), не перестаетъ настоятельно рекомендовать возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ, къ усиленію единоличныхъ властей и къ принятію какихъ то энергическихъ мѣръ. Она безусловно и постоянно осуждаетъ всякіе выборы и виды представительства, называетъ говорильнями всѣ совѣщательныя учрежденія, всячески ихъ ругаетъ, и, съ особеннымъ наслажденіемъ, выставляетъ промахи и упущенія земскихъ собраній, городскихъ думъ, земскихъ и городскихъ управъ и новыхъ судовъ; она приравниваетъ либеральные журналы и газеты къ подпольнымъ-крамольнымъ изданіямъ, не упускаетъ случая доносить и клеветать на первыя, и охотно, съ разными „инсинуаціями“, жалуетъ либеральныхъ администраторовъ въ покровители крамолы и чуть-чуть не ставитъ

ихъ во главу ея. Это направленіе или злоумышленіе находитъ себѣ адептовъ, сторонниковъ и союзниковъ по преимуществу между людьми, еще сокрушающимися о покойномъ крѣпостномъ правѣ и ищущими если не воскресить его въ томъ или другомъ видѣ, то, возвратить себѣ, тѣмъ или другимъ способомъ, выгоды, которыя оно имъ доставляло. Къ вящему прискорбью, это направленіе встрѣчаетъ, и въ правительственныхъ сферахъ, людей ему сочувствующихъ, и вслѣдствіе того, ему содѣйствующихъ и покровительствующихъ.

Не знаю что́, въ настоящее время, для Россіи вреднѣе — крамола или упомянутое направленіе-злоумышленіе? Первая конечно прибѣгаетъ къ револьверу, динамиту, поджогамъ и пр.; но противъ нея имѣются полиція и жандармія, слѣдящія за ея дѣйствіями, тщательно ее излавливающія, захватывающія людей даже по подозрѣніямъ въ принадлежности къ ней, и представляющія къ суду лица, хотя сколько нибудь участвующія въ ея дѣйствіяхъ и даже въ какихъ либо съ нею сношеніяхъ. Послѣднее же направленіе пользуется de facto полною свободою печати, благорасположеніемъ высокопоставленныхъ лицъ, и считается вполнѣ благонамѣреннымъ, совершенно благонадежнымъ, и какъ бы свыше вдохновеннымъ руководителемъ въ дѣлахъ правительственныхъ; а между тѣмъ, кто, какъ не оно, всего болѣе смущаетъ правительство, представляетъ внутреннія событія въ извращенномъ видѣ, сопровождаетъ свои расказы разными запо-

дозрѣваніями, усиливаетъ недовольство во всѣхъ классахъ населенія, и тѣмъ, хотя быть можетъ и безнамѣренно, однако сильно возбуждаетъ его къ смутамъ и революціоннымъ движеніямъ. Защищать крамолу мы конечно не будемъ; но, по совѣсти, не можемъ не сказать, что консерваторовъ этого закала, т. е. людей, стремящихся насильственно востановлять прежде бывшее и уже отошедшее въ вѣчность, и удерживать непригодное для настоящаго времени, и пуще всего требующихъ отъ правительства строгихъ репресивныхъ и карательныхъ мѣръ, мы опасаемся болѣе чѣмъ крамольниковъ; ибо явный врагъ мѣнѣе опасенъ и вреденъ, чѣмъ ложный, лицемѣрный, даже добросовѣстно ошибающійся, слѣпый другъ.

Мы останавливаемся и настаиваемъ на разобличеніи вредоностности этого такъ называемаго консерватизма, особенно потому, что, въ настоящее время, число его сторонниковъ, конечно не въ обществѣ и не въ народѣ, а въ правительственныхъ сферахъ ростетъ и вліяніе его усиливается; что это направленіе все болѣе и болѣе захватываетъ власть въ свои руки; и что оффиціальный его органъ проповѣдуетъ, съ особенною самоувѣренностью, и видимо торжествуетъ побѣду. Да! эта побѣда, засвидѣтельствованная событіями послѣдняго времени, заставляетъ насъ обратить особенное вниманіе на дѣятельность этого направленія.

Чего именно оно хочетъ и что̀ предлагаетъ? Оно громко заявляетъ что желаетъ, въ дѣйст-

віяхъ правительства, болѣе энергіи, единодушія и послѣдовательности; но этого желаютъ и либералы и даже самые крайніе изъ нихъ; слѣдовательно это нисколько не составляетъ особенности этого направленія. Въ чемъ же заключается послѣдняя? Въ отстаиваніи не столько существующаго, сколько безвозвратно прошедшаго, въ запугиваніи будущимъ, и еще въ чемъ-то, что́ можно угадывать, но чего это направленіе конечно не высказываетъ. Ни одинъ разумный и благонамѣренный человѣкъ не можетъ быть за разрушеніе того, что́ есть, хотя долженъ сознавать, что дѣйствительно настоящаго ничего на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ, что все или прошедшее или будущее, и что безусловное удержаніе прошедшаго есть насилованіе жизни, смертный ей приговоръ; ибо она заключается именно въ развитіи силъ и способностей человѣческихъ и общественныхъ, и въ стремленіи къ достиженіи цѣлей, человѣчеству указанныхъ. Въ прошедшемъ много хорошого; но много и дурнаго; ошибочно — выставлять изключительно или то или другое, превозносить минувшее, отжившее и пугать наступающимъ, нарождающимся. Люди, такъ мыслящіе и дѣйствующіе упускаютъ изъ виду, что не дано человѣчеству мертвыхъ воскрешать, стариковъ молодить и останавливать движеніе солнца и всего имъ освѣщаемаго. Такіе консерваторы, какъ весьма вѣрно и остроумно сказалъ покойный Ю. Ѳ. Самаринъ, суть истые революціонеры; а мы прибавимъ: заклятые и самые опасные революціонеры,

готовые всѣ верхъ дномъ поставить лишь бы возвратить свое прежнее житье-бытье. Они идутъ не по теченію, а противъ него; если имъ удается на время задержать отходящее, даже смердящее, то тѣмъ самымъ они вынуждаютъ людей прибѣгать къ насильственному освѣженію воздуха. Замѣчательно, что чѣмъ эти такъ называемые консерваторы умнѣе, тѣмъ менѣе они указываютъ что́ именно они желаютъ возстановить изъ прошедшаго или удержать изъ существующаго, и ограничиваются общими фразами и болѣе всего опроверженіями и порицаніями предлагаемаго другими. Такъ „Московскія Вѣдомости“, нападая безъ устали на новые суды, еще не высказали до сихъ поръ чѣмъ онѣ желаютъ ихъ замѣнить и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшаются высказаться и за прежніе суды. Такъ не упуская случаевъ осуждать земское и городское самоуправленіе, и осмѣивать его говорильни, онѣ не дерзаютъ однако прямо отстаивать молчальни и требовать возстановленія прежнихъ нижнеземскихъ судовъ, городническихъ правленій и другихъ имъ сродныхъ учрежденій. Чего же желаетъ этотъ далеко не безсмысленный органъ? Настойчивѣе всего онъ требуетъ строгихъ репресивныхъ и карательныхъ мѣръ. И тѣ и другія конечно необходимы и неизбѣжны во всякомъ человѣческомъ обязательномъ обществѣ, каковымъ есть государство; но онѣ должны вести къ какой-либо положительной, ясно опредѣленной цѣли, а сами по себѣ онѣ цѣлью быть не могутъ. Куда же онѣ должны вести?

Этого-то упомянутое направленіе и его маститый органъ и не указываютъ, — а между тѣмъ это всего важнѣе и необходимѣе.

Поразительно, въ этомъ отношеніи, сходство между крамолою и этимъ (не знаю какъ назвать) направленіемъ: первая проповѣдуетъ разрушеніе и ничего не говоритъ чѣмъ она думаетъ замѣнить разрушенное; послѣднее отстаиваетъ отчасти удержаніе существующаго, но еще много болѣе возстановленіе похороненнаго; и вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не рѣшается положительно указывать, что́ думаетъ удержать изъ наличнаго и оживить изъ прошедшаго, и какія средства употребить для придачи косности нашему быту и для оживотворенія умершаго. Это направленіе-злоумышленіе прибѣгаетъ, въ этомъ случаѣ, къ умолчиваніямъ и недомолвкамъ, очевидно потому, что ему совѣстно высказывать ясно и опредѣленно свои виды и надежды. Жаль, что его адепты и поклонники не обращаютъ на это обстоятельство надлежащаго вниманія, и не допрашиваютъ его болѣе настоятельно.

Въ послѣднее время, вошло какъ бы въ моду, а нѣкоторыми признается какъ бы лучшимъ удостовѣреніемъ и засвидѣтельствованіемъ своей „благонадежности“ — ругать либерализмъ, либераловъ, либеральныя учрежденія, либеральные журналы и газеты, и пр. При этомъ, шибко достается „правовому порядку“, защищаемому либералами и выставляемому ихъ противниками заносною нелѣпицею и

источникомъ только пустаго формализма*). Не будемъ конечно защищать либеральниченія, изданій и людей, ему предающихся; вѣдь всякое лицемѣріе — гнусно, всякое повтореніе чужихъ словъ и понятій, себѣ убѣжденіемъ не усвоенныхъ — глупо, и всякія излишки, увлеченія и страстныя выходки — безумны. Но развѣ консерватизмъ, въ этомъ отношеніи, находится въ иныхъ, лучшихъ условіяхъ? Развѣ всѣ его сторонники и защитники убѣждены въ его догматахъ, дѣйствуютъ по совѣсти и съ полнымъ разумѣніемъ? Развѣ новѣйшая мода и особенно личные расчеты уже теперь не привлекли въ его ряды людей, еще недавно его ругавшихъ? А сколько заступниковъ и дѣятелей ему доставило упраздненное, но еще окончательно не

*) Странны, нелѣпы фразы и насмѣшки нѣкоторыхъ такъ называемыхъ консерваторовъ и народниковъ, по поводу „правоваго порядка“, выдвинутаго и отстаиваемаго либеральными изданіями. Конечно „правовый порядокъ“ не есть еще всё, и онъ одинъ еще не обеспечитъ благоденствія страны; но развѣ оно мыслимо безъ правоваго порядка, т. е. безъ исполненія законовъ, безъ обеспеченія гражданамъ личной свободы и пользованія имущественными ихъ правами? Слѣдовало бы этимъ господамъ, если они дѣйствительно за охраненіе многаго добраго, у насъ существующаго, и за соблюденіе настоящихъ народныхъ интересовъ — воздержаться отъ ихъ, всѣмъ наскучившихъ фразъ, насмѣшекъ и нападокъ, и вникнуть въ смыслъ того, что́ они отвергаютъ и надъ чѣмъ издѣваются. Неужель это для нихъ невозможно? Неужель они дѣйствительно за произвольный а не за правовый, законный порядокъ? Неужель одни изъ нихъ въ состояніи только барахтаться въ болотѣ личныхъ выгодъ, а другіе — только носиться въ безпочвенныхъ пространствахъ? Не можемъ, для всѣхъ противниковъ „правоваго порядка“, этого допустить; а думаемъ, что и эти недоразумѣнія происходятъ отъ господствующаго у насъ вавилонскаго смѣшенія языковъ.

схороненное крѣпостное право, т. е. корысть! Бѣда та, что изученіе дѣйствительнаго нашего быта и положенія дѣлъ, усвоеніе дѣйствительнаго народнаго духа, устойчивость въ мнѣніяхъ и добросовѣстность въ дѣйствіяхъ — еще вовсе не считаются у насъ необходимыми гражданскими обязанностями.

Настоящій либерализмъ и такой же консерватизмъ вовсе другъ другу не враждебны; напротивъ того, для достиженія каждымъ изъ нихъ цѣли — блага людей, они должны дѣйствовать совокупно, одновременно и единодушно. Чего хочетъ либерализмъ? Доставленія людямъ, при разумной свободѣ, возможности развивать свои силы и способности для исполненія человѣчествомъ его предназначенія. А чего хочетъ консерватизмъ? Сохраненія людямъ, при той же необходимой свободѣ, того, что́ ими уже сдѣлано или добыто для разрѣшенія той же предлежащей человѣчеству задачи. Цѣль у либерализма и у консерватизма одна и таже; условія для успѣшнаго ихъ дѣйствія, т. е. разумная свобода — также одинаковы; но способы ихъ дѣйствія — различны: либерализмъ устремляетъ впередъ и старается создавать, а консерватизмъ задерживаетъ и охраняетъ уже созданное. Первый можетъ насъ увлекать, а послѣдній — усыплять, мертвить или раздражать и приводить въ отчаяніе. А потому, совмѣстное, одновременное, по возможности согласное и дружное ихъ дѣйствіе желательно, полезно, совершенно необходимо. Если первый слишкомъ заноситъ насъ впередъ, то непремѣнно является

реакція; если же консерватизмъ слишкомъ задерживаетъ, то страна мертвѣетъ, недовольство распространяется и усиливается; и грозятъ странѣ смуты и революціонныя движенія. Таковъ неизмѣнный, исторіею засвидѣтельствованный, ходъ дѣлъ и судебъ человѣческихъ.

У насъ, къ сожалѣнію, были только либеральные порывы, а консервативныя или вѣрнѣе сказать реакціонныя задержки почти не прекращались. И при Екатеринѣ II и при Александрѣ I и при Александрѣ II, благія ихъ начинанія задерживались, пзкажались, почти уничтожались усиліями и кознями недобросовѣстныхъ, себялюбивыхъ и недальновидныхъ ихъ совѣтниковъ и распорядителей. И отъ этого, куда мы зашли?

Знаемъ, что всякіе безпорядки, упущенія, захваты, даже хищенія и самую крамолу приписываютъ, если не самому либерализму, то различнымъ видамъ, въ которыхъ онъ у насъ проявлялся; но добросовѣстно ли это? Не съ большимъ ли правомъ всѣ эти злоупотребленія, злоумышленія и злодѣянія можно отнести на отвѣтственность консерватизма, ибо онъ, въ томъ или другомъ видѣ, часто въ самыхъ искаженныхъ образахъ, больше и дальше держалъ власть въ своихъ рукахъ, чѣмъ либерализмъ, который рѣдко, кратковременно и въ видѣ исключеній завѣдовалъ правительственными дѣлами. Но, скажутъ намъ, либерализмъ сильно дѣйствовалъ въ видѣ оппозиціи. Это конечно справедливо; но оппозиція возможна и дѣйственна только тогда,

когда администрація ведетъ дѣла не надлежащимъ образомъ, т. е. двусмысленно, слабо, плохо и не въ народномъ духѣ. Слѣдовательно, и самые порывы, увлеченія и успѣхи оппозиціи должны быть отнесены на отвѣтственность той же партіи, которая была во власти. А потому, въ бѣдственномъ, почти отчаянномъ нынѣшнемъ нашемъ положеніи виноваты не либерализмъ и не консерватизмъ, сами по себѣ, въ ихъ настоящихъ видахъ, а люди, подъ вывѣскою послѣдняго, дѣйствовавшіе и нѣкоторыя обстоятельства, ихъ къ тому допускавшія и на мѣстахъ удерживавшія.

Всѣ великія преобразованія перваго десятилѣтія послѣдняго царствованія, предоставившія русскимъ гражданамъ разныя права и обѣщавшія имъ значительное улучшеніе ихъ быта, были, въ послѣдующія четырнадцать лѣтъ, искажены до неузнаваемости; и вслѣдствіе того, недовольство всеобщее росло и усиливалось. Злосчастное покушеніе 4-го апрѣля 1866 г. повергло Россію въ ужасъ невыразимый. Тогда это покушеніе совершилъ безумецъ или одинъ изъ очень малочисленной шайки безумцевъ, безъ всякой связи съ какимъ либо направленіемъ. Развѣ какое либо направленіе, время или лицо можетъ быть обеспечено отъ порывовъ безумія? Низшіе слои народа, и въ особенности крестьянство сочли совершеніе этого покушенія дѣломъ подкупа, произведеннаго помѣщиками, лишившимися права на трудъ крѣпостныхъ людей; и эта мысль, по несчастью, крѣпко и глубоко

засѣла въ крестьянствѣ. Конечно бывшіе помѣщики въ этомъ покушеніи нисколько не повинны; но къ чему же, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, уже не крестьяне, а люди даже пишущіе и повременныя изданія, заподозривать въ этомъ покушеніи связь его производителей съ либеральнымъ направленіемъ? — Поворотъ въ администраціи 1866 года не далъ возможности разсѣять возникшія тогда недоразумѣнія и принять мѣры къ успокоенію страны; напротивъ того, онъ все сдѣлалъ къ раздраженію людей, къ уничтоженію благихъ дѣйствій, произведенныхъ реформами, къ усиленію общаго недовольства и, чрезъ то, къ утучненію почвы подъ производительную дѣятельность злоумышленниковъ. Послѣдніе годы прошлаго царствованія, несмотря на полнѣйшую, искреннѣйшую благонамѣренность и сердечную доброту покойнаго Государя, — были ужасны. Партія, бывшая тогда во главѣ управленія, дѣйствовала своекорыстно, въ смыслѣ самаго узкаго аристократизма и бюрократизма, съ полнымъ незнаніемъ и пренебреженіемъ нуждъ страны, и даже безсмысленно. Недовольство было всеобщее и глубокое; какая была лафа для распространявшейся и усиливавшейся крамолы! А учебныя заведенія, гдѣ морили юношей на латинскихъ и греческихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ, и гдѣ господствовали формализмъ, лицемѣріе и угодливость, развѣ они не втолкивали въ крамолу тѣхъ молодыхъ людей, которымъ такіе порядки были не по душѣ и которые чувствовали въ себѣ потребность жить, гово-

рить и дѣйствовать прямо и живо! Покушеніе 3 февраля 1880 года охватило новымъ ужасомъ все населеніе. Учрежденіе верховной коммиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, и порученіе начальства въ оной гр. Лорисъ-Меликову, прославившемуся своими военными подвигами, и пріобрѣтшему общее къ себѣ расположеніе своими распорядками на Волгѣ и въ Харьковѣ, нѣсколько успокоили страну. Дѣйствія этой коммиссіи, ея заявленія и отношенія къ людямъ вообще, значительно ободрили и оживили населеніе; и хотя нѣкоторые, конечно весьма немногіе люди и газеты позволили себѣ (разумѣется не въ то время а позднѣе) насмѣхаться надъ этою „диктатурою сердца“, однако трудно не признать благаго ея вліянія на настроенія гражданъ всѣхъ состояній. Упраздненіе 3-го отдѣленія, замѣна, при первой возможности, диктатуры законнымъ дѣйствіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, изготовленіе проекта новаго закона о печати, и пр. обѣщали Россіи новую эру преуспѣянія. Послѣдовавшее, въ это время, увольненіе гр. Толстаго отъ министерства народнаго просвѣщенія обрадовало всѣхъ и въ особенности родителей обучавшейся молодежи и самую молодежь. Къ несчастью, новое злоумышленіе ввергло страну въ невыразимый страхъ и ужасъ. Есть люди, которые рѣшаются возлагать даже это злоумышленіе или попущеніе къ его совершенію на отвѣтственность продолжавшейся, въ образѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, „диктатуры

сердца". Ужь лучше бы придти въ разумъ, сознать свои ошибки и свою несостоятельность, и покаиться въ своемъ грѣхѣ — въ развитіи и усиленіи крамолы, чѣмъ съ больной головы сваливать вину на здоровую.

Теперь нельзя не признать, что тѣ пути, которымъ слѣдовали въ дореформенныя времена, тѣ цѣли, къ которымъ стремились, и тѣ способы дѣйствія, которые тогда употреблялись — уже совершенно невозможны, или должны привести къ послѣдствіямъ, вовсе не къ такимъ, какія отъ нихъ ожидаются. Пожалуй, есть люди, этого еще не признающіе; но развѣ во Франціи нѣтъ еще легитимистовъ а въ Германіи феодальныхъ рыцарей, мнящихъ что средневѣковые мертвецы воскреснутъ и тогдашніе порядки, имъ въ угоду, возобновятся? Вѣдь человѣческому безумію нѣтъ границъ; но не къ нему мы обращаемъ рѣчь нашу. Люди разумные и само правительство сознаютъ у насъ все болѣе и болѣе несостоятельность обособленнаго, бюрократическаго способа управленія, недостаточность однѣхъ мѣръ репресивныхъ и карательныхъ, пользу узнанія дѣйствительныхъ нуждъ страны и необходимость сближенія власти съ населеніемъ. Это кажется несомнѣнно; но великая бѣда та, что сознавая все это теоретически, высказывая это въ манифестахъ, правительство опасается и еще не рѣшается приступить къ практическому осуществленію этихъ истинъ.

При освобожденіи крѣпостныхъ людей, обра-

зованы были въ губерніяхъ комитеты изъ выборныхъ отъ каждаго уѣзднаго дворянства — тогда единственнаго съ голосомъ сословія въ Россіи; а затѣмъ, изъ этихъ комитетовъ были вызваны въ Петербургъ депутаты или члены, *по выбору* комитетовъ, для расмотрѣнія проектовъ, составленныхъ Редакціонными коммиссіями, въ составъ которыхъ вошли, по приглашенію правительства, въ качествѣ членовъ, нѣкоторые дворяне изъ меньшинствъ губернскихъ комитетовъ, т. е. изъ людей, расположенныхъ къ предполагавшейся реформѣ. Лучшаго исхода изъ тогдашнихъ затрудненій придумать было невозможно. Изъ крестьянъ никого нельзя было вызвать, ибо они еще считались вещами; купцы же и мѣщане къ предлежавшему дѣлу были неприкосновенны; слѣдовательно члены губернскихъ комитетовъ могли быть только изъ дворянъ-помѣщиковъ. Конечно они были судьями въ собственномъ своемъ дѣлѣ; но между ними были тогда два направленія, рѣзко другъ отъ друга отличавшіяся, изъ которыхъ одно крѣпко стояло за крестьянъ и ихъ освобожденіе съ землею; а другое старалось, если уже невозможно удержать крѣпостную зависимость крестьянъ и дворовыхъ людей, то устроить ихъ такъ, чтобы они оставались въ возможно бо́льшей зависимости отъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Люди послѣдняго направленія составляли въ губернскихъ комитетахъ большинства, а люди перваго направленія — меньшинства. Правительство вызвало депутатовъ и отъ большинствъ и отъ мень-

шинствъ, представившихъ особые проекты. Узнавши такимъ образомъ, не изъ бумагъ только, а и изъ живыхъ совѣщаній, различныя мнѣнія, высказанныя въ губернскихъ комитетахъ, правительство было въ возможности рѣшить это чрезвычайно важное и трудное дѣло съ полнымъ сознаніемъ; и надо сказать, что едва ли какое другое дѣло было имъ рѣшено съ такимъ глубокимъ смысломъ и съ такимъ безпристрастнымъ соблюденіемъ различныхъ, даже противуположныхъ интересовъ. Конечно и въ эти узаконенія вкрались ошибки и неполноты; но развѣ какое либо человѣческое дѣло можетъ быть отъ нихъ совершенно свободно!

Призывались, въ это время, эксперты по разнымъ дѣламъ. Такъ, по отмѣнѣ питейныхъ откуповъ, были приглашены въ члены коммиссіи нѣкоторые винокуренные заводчики и нѣкоторые управляющіе казенными палатами; а по проекту объ устройствѣ судебныхъ учрежденій были вызваны лица изъ судебнаго вѣдомства и изъ професоровъ гражданскаго и уголовнаго права. По составленію проекта Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, къ сожалѣнію, правительство не вызывало ни экспертовъ ни выборныхъ. Были, подъ рукою приглашены на совѣтъ въ коммиссію, разработывавшую этотъ вопросъ, нѣкоторыя лица изъ губерній и особенно изъ столицъ; это дѣлалось безъ огласки; и признаться, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, трудно было что-нибудь сдѣлать иное, ибо еще не было не только никакихъ всесословныхъ учрежде-

ній, но даже еще не обозначились различныя, нынѣ существующія состоянія, легшія въ основу нашей всесословности.

Замѣчательно, какъ законы, изданные въ первое десятилѣтіе, т. е. по 1866 годъ, т. е. пока правительство обращалось къ экспертамъ или выборнымъ для восполненія своихъ свѣденій и соображеній, отличаются отъ законовъ, впослѣдствіи обнародованныхъ и уже одною бюрократіею изготовленныхъ: тамъ говорило само дѣло, а тутъ являлись только сочиненія.

Въ послѣдующее четырнадцатилѣтіе, вовсе не вызывали выборныхъ и рѣдко рѣшались даже приглашать экспертовъ. Бюрократія изготовляла законы своими домашними средствами и всячески старалась не затрогивать существенныхъ вопросовъ и вести дѣла, если и не успѣшно, то по крайней мѣрѣ такъ, чтобы можно было ей сказать: „все обстоитъ благополучно“.

Въ самое послѣднее время, въ управленіе гр. Игнатьева министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вздумали прибѣгнуть къ средству прежде такъ успѣшно дѣйствовавшему, т. е. къ приглашенію экспертовъ, но уже подъ русскимъ названіемъ „свѣдущихъ людей“, сперва по вопросу объ облегченіи выкупныхъ платежей, а потомъ по двумъ вопросамъ, никакой связи между собою не имѣющимъ — по сокращенію пьянства и по переселеніямъ. При этомъ, высшая администрація упустила изъ виду только то, что, со времени вызова экспертовъ по

освобожденію крѣпостныхъ людей, прошло болѣе двадцати лѣтъ, что обстоятельства и люди значительно измѣнились, что теперь существуютъ всесословныя учрежденія, завѣдывающія мѣстнымъ самоуправленіемъ, и что наша гражданская жизнь значительно развилась. Вызовъ „свѣдущихъ людей“ не по избранію земствъ а по административному приглашенію, былъ униженіемъ и оскорбленіемъ для земскихъ учрежденій, и великою ошибкою въ правительственномъ смыслѣ. Результаты этого созыва оказались просто жалкими. Въ началѣ, „свѣдущіе люди“ много толковали; публика изъ любопытства было ими очень занялась; но вскорѣ, изъ опубликованныхъ журналовъ ихъ совѣщаній, всѣ убѣдились, что эти приглашенныя лица вовсе не „свѣдущіе люди“, что они чужды земскаго духа и что попали какъ бы въ представители земства и въ совѣтники правительства, по разнымъ самымъ страннымъ соображеніямъ. Мнѣнія, высказанныя этими земцами, и заключенія, къ которымъ они пришли, вызвали протесты со стороны земскихъ собраній и очень дѣльныя опроверженія со стороны публицистики. Едва одно или два повременныя изданія выступили на защиту „свѣдущихъ людей“, и притомъ защищали ихъ такъ неудачно, что ихъ не подняли а только себя еще болѣе уронили. Не будемъ повторять выше нами сказаннаго о мудрствованіяхъ и подвигахъ „свѣдущихъ людей“, по вопросамъ, ихъ обсужденію предложеннымъ; но не можемъ здѣсь не высказать, что взя-

тіемъ на себя назначенія, помимо земствъ, „свѣдущихъ людей“, высшая администрація напрасно приняла на себя за нихъ отвѣтственность и этимъ значительно уронила себя въ общественномъ мнѣніи.

Послѣ этихъ неудачъ, заговорили, въ нѣкоторыхъ, конечно очень не многихъ и очень малочисленныхъ кружкахъ такъ называемой „народной политики“, и даже въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, о созывѣ всероссійскаго земскаго собора. Не довѣряя существующимъ земскимъ учрежденіямъ, и не уяснивъ себѣ настоящихъ потребностей страны, вздумали было собрать въ Москвѣ, по случаю коронаціи, выборныхъ, по каждому уѣзду, отъ крестьянъ, личныхъ землевладѣльцевъ и городовъ, и этимъ выборнымъ что-то объявить и что-то поручить. Не можемъ опредѣлительно говорить объ этихъ проектахъ, ибо они намъ извѣстны только по слухахъ, которые до крайности разнорѣчивы и странны. Если имъ вѣрить, то пришлось бы, отдавая полную справедливость благимъ намѣреніямъ составителей проектовъ, подивиться какъ современные люди, живущіе притомъ въ Россіи, могли увлекаться такими фантазіями. Нѣтъ! теперь непригодны намъ соборы прежнихъ вѣковъ, соотвѣтствовавшіе тогдашнимъ потребностямъ. Нынѣшнія наши нужды болѣе сложны, болѣе глубоки, болѣе повседневны. Намъ нужны не чрезвычайные, кой-когда созываемые соборы, а постоянныя учрежденія, могущія почти всегда за насъ объясняться и правительству помогать.

Сколько мы ни вдумывались въ мысль о земскихъ соборахъ, сколько ни прислушивались къ рѣчамъ ихъ сторонниковъ, и сколько ни читали ихъ статей печатныхъ и рукописныхъ, мы никакъ не можемъ понять какъ эти соборы имѣютъ исполнить то, что отъ нихъ теперь ожидается. Цѣль имъ предназначаемая — сблизить Царя съ народомъ, т. е. доставить первому возможность узнавать нужды послѣдняго отъ него самаго, выслушивать его мнѣнія по важнымъ дѣламъ, знакомиться и сближаться, если не съ каждою особью народа, то съ излюбленными имъ людьми.

Земскій соборъ думаютъ составить не изъ выборныхъ отъ губерній; но если и не отъ каждой волости или иной мелкой земской единицы, то по крайней мѣрѣ отъ каждаго уѣзда. Сверхъ того, эти выборные должны быть не отъ одного сословія или состоянія, а отъ каждаго, нынѣ существующаго. А потому предполагается назначить по одному, по два и даже по три отъ крестьянъ, по одному отъ дворянъ или личныхъ землевладѣльцевъ, и по одному отъ городовъ т. е. отъ купцовъ и мѣщанъ. Нѣкоторые сторонники земскихъ соборовъ назначаютъ также по одному выборному отъ духовенства и отъ земскихъ собраній. Увеличеніе числа выборныхъ отъ крестьянъ оправдывается какъ ихъ многочисленностью, такъ и недостаткомъ ихъ развитія, Слѣдовательно, отъ каждаго уѣзда должно быть 4, 5 или 6 гласныхъ. Ограничимся самымъ меньшимъ числомъ; и то окажется: какъ

уѣздовъ имѣется въ имперіи около шести сотъ, то это число помноженное даже на четыре даетъ около двухъ съ половиною тысячь выборныхъ. Возможно ли гдѣ-либо, а особенно у насъ на Руси, гдѣ къ совѣщаніямъ еще мало привыкли, справиться съ такимъ собраніемъ? Никакое серіозное обсужденіе въ немъ невозможно, и отвѣты могутъ быть только „да“ или „нѣтъ“. И свѣденій такое собраніе доставить не въ состояніи, ибо, при такой многочисленности, не легко добиться права говорить, и еще труднѣе удостоиться вниманія слушателей. Тутъ уже будутъ конечно не „говорильни“, но кричальни или молчальни.

Въ прежнія времена, земскіе соборы созывались очень рѣдко и по отдѣльнымъ дѣламъ, которыя верховная власть признавала нужнымъ передавать на общее обсужденіе. Но развѣ обстоятельства государственной жизни остались тѣ же? Кромѣ значительнаго приращенія нашей территоріи и нашего населенія, всѣ дѣла значительно усложнились, вопросы обострились, и теперь сессіи совѣщательныхъ собраній срочно созываемыя и довольно продолжительныя — совершенно неизбѣжны. Какъ же на нихъ созывать, со всѣхъ концевъ Россіи, двѣ, три тысяча выборныхъ? — Нѣтъ! чѣмъ болѣе вникаешь въ сущность и порядки нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ ихъ непригодности для нынѣшнихъ временъ и обстоятельствъ. Да и къ чему воскрешать умершее или сочинять совершенно но-

вое, когда у насъ уже имѣются всесословныя учрежденія въ ходу, если и не полномъ, то вполнѣ къ нему способномъ, нуждающіяся только въ развитіи, упорядоченіи и завершеніи ихъ дѣятельности.

Теперь это направленіе, имѣвшее въ виду созваніе земскаго собора, и домогавшееся званія „народнаго“, отошло на задній планъ. Во время годичной своей административной дѣятельности, оно заявило много добрыхъ намѣреній, но мало знанія дѣла и еще менѣе практичности, опытности и послѣдовательности. Не стали бы плакать объ отходѣ на покой этого, на словахъ и вѣроятно въ душѣ для народа благоволительнаго, но на дѣлѣ почти ничего не произведшаго направленія, если бы оно не было замѣнено инымъ, слишкомъ Россіи извѣстнымъ, давно и тяжко ее придавлявшимъ и причинившимъ ей много, много бѣдъ. Это направленіе называетъ себя консервативнымъ; другіе именуютъ его реакціоннымъ — крѣпостническимъ; мы же считаемъ его просто — бѣдовымъ.

Мы считаемъ его таковымъ не потому, что предполагаемъ въ его сторонникахъ злые умыслы, стремленія къ захватамъ, наживѣ и хищеніямъ. Нѣтъ! въ этихъ людяхъ, особенно въ нѣкоторыхъ, быть можетъ, даже излишки благонамѣренности, любьви къ Россіи и пр.; но въ нихъ — слѣпота полнѣйшая, пожалуй, даже неизцѣлимая. Они сами идутъ и другихъ хотятъ вести *противъ теченія* (этимъ они хвалятся), и *противъ воли людей, ими ведомыхъ* (это имъ ни почёмъ). Развѣ это ра-

зумно? Развѣ это теперь возможно? Неужель лучь свѣта озарилъ ихъ однихъ, а всѣ прочіе — „быдло“, которое не вѣдаетъ и не должно вѣдать куда идти, обязано слѣпо повиноваться пастуху, и, кромѣ палки и кнута, не имѣть иныхъ наставниковъ? Нѣть! времена такого господниченія прошли безвозвратно; и кто его проповѣдуетъ, стремится его осуществить, и для того требуетъ стѣсненій и каръ, тотъ работаетъ на руку крамолѣ. Бо́льшаго содѣйствія и лучшей помощи, она и желать не можетъ; но для страны, для ея жителей и для верховной власти, такія дѣйствія болѣе чѣмъ вредны — они гибельны.

Но почему мы думаемъ, что люди, нынѣ захватившіе власть въ свои руки, принадлежатъ къ этому бѣдовому направленію, исполнены его духа и руководятся его правилами?

На этотъ вопросъ представляется отвѣтъ прямо оффиціяльный. Органъ или даже внушитель этого направленія торжественно говоритъ: „Имя графа Толстаго само по себѣ уже есть манифестъ и программа; имъ яснѣе чѣмъ цѣлымъ рядомъ мѣръ опредѣляется путь правительства“. Тотъ же органъ тамъ же говоритъ: „Онъ (гр. Толстой) приступаетъ къ своей новой, столь важной и отвѣтственной должности, не impromptu, не новичномъ, но опытнымъ государственнымъ человѣкомъ, искушеннымъ въ правительственномъ дѣлѣ, съ практическимъ знаніемъ людей и вещей, съ зрѣлымъ разумѣніемъ нашихъ государственныхъ задачъ“.

(Москов. Вѣд. 3 іюня, передовая статья). Слѣдовательно уже не можетъ быть никакого сомнѣнія, что система, мертвившая четырнадцать лѣтъ наши учебныя заведенія, и упорно, безъ устали проводимая Московскими Вѣдомостями по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, не только во власти, но и во главѣ администраціи. Чего же теперь намъ ожидать?

Эта система не усилитъ власти; между тѣмъ, подъема ея авторитета желаютъ не однѣ Московскія Вѣдомости, а всѣ граждане разумные, искренно любящіе свое отечество; ибо, къ прискорбью, власть теперь очень ослабѣла, и никогда, быть можетъ, ея скрѣпленіе не было такъ нужно, какъ въ настоящее время. Власть сильна только единеніемъ съ народомъ; а возможно ли оно, если и не при отмѣнѣ самоуправленія, то при возможномъ его стѣсненіи, какъ то проповѣдуютъ Московскія вѣдомости, и какъ то постоянно практиковалъ гр. Толстой по учебному вѣдомству? Осуществимо ли упомянутое единеніе, при усиленіи всякихъ ограниченій, стѣсненій и каръ, какъ того требуетъ тотъ же органъ? Мыслимо ли единеніе власти съ народомъ, при его безправіи? Нѣтъ! Дѣйствительное единеніе требуетъ постоянныхъ, не холопскихъ а человѣческихъ между ними сношеній, взаимнаго уваженія и искренняго другъ другу содѣйствія.

Мы не либеральничаемъ; не требуемъ западныхъ конституцій и парламентовъ, которые мы считаемъ для Россіи вовсе непригодными; мы не-

однократно и вполнѣ искренне высказывались и теперь высказываемся за самодержавіе Государя, но столь же настоятельно и горячо возстаемъ противъ самодержавія гг. министровъ, губернаторовъ, исправниковъ, становыхъ и урядниковъ. Тѣмъ сильнѣе мы за первое, чѣмъ безусловнѣе противъ послѣдняго, и крѣпко, отъ всей души нашей, желали бы освобожденія Царскаго Самодержавія отъ его гнѣтущихъ, изкажающихъ, роняющихъ и почти уничтожающихъ самозванческихъ самодержавій разныхъ сановниковъ и чиновниковъ. Покойный Государь освободилъ людей отъ крѣпостной зависимости; Его преемнику, нынѣ царствующему Государю, предстоитъ освободить самодержавіе, если и не отъ крѣпостной, то отъ столь же тяжкой зависимости отъ разныхъ пришлыхъ властопохитителей. Не прискорбно ли видѣть, какъ при всѣми любимомъ, обожаемомъ Александрѣ II, господствовали разные временщики, дѣйствовавшіе вопреки законамъ, Высочайшею властью утвержденнымъ? Не прискорбно ли видѣть какъ теперь, въ теченіи нынѣшняго менѣе чѣмъ полуторогодоваго царствованія, по важнѣйшимъ министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по три раза проводились различныя системы управленія, и смѣнялись онѣ, не вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ или общихъ государственныхъ соображеній, а только вслѣдствіе смѣны лицъ, т. е. вслѣдствіе того, что А. замѣненъ Б. а Б. замѣненъ В.?

Для востановленія въ странѣ мира, довольства и благоденствія, для лишенія крамолы почвы къ развитію и существованію, и для возвращенія верховной власти подобающихъ ей на Руси любьви, силы и значенія, необходимо искреннее, живое и дѣйственное (не на словахъ, не въ однихъ манифестахъ и адресахъ, а на самомъ дѣлѣ) единеніе Царя и народа. Единственно возможнымъ къ тому путемъ есть установленіе прямыхъ и постоянныхъ между ними сношеній.

Какъ же это, въ настоящее время, привести въ исполненіе?

III.

Въ разныхъ, мною изданныхъ книжкахъ*), я говорилъ о необходимости созыва, верховною властью, выборныхъ отъ земствъ, объ устройствѣ общаго земскаго собранія, о правахъ, которыя слѣдуетъ ему предоставить, объ обязанностяхъ, которыя необходимо на него возложить, и пр. Никогда я не подавалъ своего голоса ни за востановленіе древнихъ нашихъ земскихъ соборовъ, которые признавалъ несоотвѣтствующими нынѣшнимъ нашимъ потребностямъ, ни за водвореніе у насъ западно-европейскихъ парламентовъ, которые умѣстны только въ странахъ аристократическо-демократическихъ, гдѣ монархическая власть является посредникомъ и примирителемъ между двумя враждебными силами. У насъ, слава Богу, не было феодализма, не было и войнъ между высшими и низшими слоями населенія. У насъ, былъ и есть одинъ народъ, расположенный по разнымъ состояніямъ, но одушевленный однимъ земскимъ духомъ и блистательно

*) Наше положеніе. Берлинъ 1874. — Общая земская дума въ Россіи. Берлинъ 1875. — Что же теперь дѣлать? Берлинъ 1879. — Гдѣ мы? Куда и какъ идти? Берлинъ 1881.

его проявлявшій во всѣ критическія времена нашей исторіи. У насъ всѣ движенія впередъ, всѣ освободительныя, такъ сказать подъемныя для гражданъ преобразованія не завоевывались, а исходили отъ верховной власти. А потому, сохраненіе, охраненіе и укрѣпленіе Царскаго Самодержавія составляютъ долгъ каждаго русскаго гражданина, любящаго свое отечество. Эти убѣжденія возникли во мнѣ не со вчерашняго дня, не вслѣдствіе какихъ либо повѣтрій и не по поводу случайныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ! Долго жилъ я въ деревнѣ и въ городахъ; занимался своими частными и общественными, земскими и даже государственными дѣлами; не чуждался людей и мнѣній никакихъ партій, хотя и не принадлежалъ ни къ одной изъ нихъ; и убѣжденія мои менѣе выработаны личнымъ трудомъ, чѣмъ внушены мнѣ событіями и дѣлами, которыхъ былъ свидѣтелемъ и въ которыхъ принималъ иногда посильное участіе. Позволю себѣ сказать еще одно: никогда я не упорствовалъ въ высказанныхъ мнѣніяхъ и отступалъ отъ нихъ охотно, какъ скоро доказывали ихъ ошибочность или когда обстоятельства измѣнялись. Я нахожу нужнымъ все это объяснить въ оправданіе какъ настойчивости моей на мнѣніи о необходимости созыва земскихъ выборныхъ, такъ и тѣхъ измѣненій, которыя считаю теперь необходимыми при производствѣ самаго созыва.

Не остановлюсь здѣсь на доводахъ въ пользу необходимости сказаннаго созыва; объ этомъ много

говорилъ я прежде, и кой-что уже сказалъ и въ настоящей книжкѣ. Доказывать это, въ настоящее время, также излишне, какъ доказывать что голодному необходимъ хлѣбъ. Всѣ мыслящіе граждане, за исключеніемъ на перечетъ извѣстныхъ, глубоко убѣждены, что единый путь ко спасенію изъ нынѣшней безурядицы и безтолочи — есть совѣщаніе верховной власти съ народными представителями. Еще никогда, никакая общая нужда у насъ не назрѣвала такъ, какъ вышеуказанная: всѣ этого желаютъ, ожидаютъ и не сомнѣваются въ ея удовлетвореніи. Да и само правительство все болѣе и болѣе сознаетъ несостоятельность своего бюрократическаго состава и своихъ бюрократическихъ способовъ дѣйствія; ибо, и прежде и въ послѣднее время, оно вызывало экспертовъ и „свѣдущихъ людей", требовало отъ земскихъ собраній заключеній по разнымъ вопросамъ, и тяготится и не можетъ не тяготиться лежащею на немъ одномъ отвѣтственностью за все у насъ совершающееся.

Въ семидесятыхъ годахъ и даже прошлымъ лѣтомъ, считалъ я возможнымъ и необходимымъ произвести прямо созывъ земскихъ выборныхъ для обсужденія тѣхъ дѣлъ и вопросовъ, которые правительство признаетъ нужнымъ передать на обсужденіе этихъ представителей земства. Тогда, и въ правительственныхъ и въ земскихъ сферахъ, еще были стремленія и возможность столковаться и придти къ общимъ соглашеніямъ и заключеніямъ. Съ тѣхъ поръ, произошли въ администраціи быстрыя

и значительныя смѣны лицъ и системъ. Онѣ сильно отозвались и на земскихъ собраніяхъ, которыя, въ послѣдніе очередные и чрезвычайные созывы, дошли, въ своихъ разноголосицахъ, до безобразія: проявились опять казавшіяся схороненными разныя крѣпостническія понятія и стремленія; высказались также, имъ въ отпоръ, крайнія, самыя разнообразныя, одно другому противорѣчущія предложенія по разнымъ вопросамъ, и въ особенности по устройству какой-то мелкой всесословной единицы; и гласные распались на нѣсколько партій, такъ что всѣ важныя предложенія забалотировывались, и большинствомъ ничего не утверждалось. И на публицистикѣ отразилось тоже вавилонское смѣшеніе языковъ. Сильно этому содѣйствовали, по предписаніямъ и внушеніямъ изъ Петербурга, гг. губернаторы, предсѣдатели земскихъ собраній и цензоры, запрещавшіе говорить о томъ, другомъ, десятомъ. Разъясненія и соглашенія сдѣлались невозможными; вопросы обострялись; мнѣнія все болѣе и болѣе впадали въ крайности. Гласные, въ отчаяніи, разбѣгались и вновь не съѣзжались; а публицисты, поставленные въ необходимость писать иносказательно или воздерживаться отъ высказыванія того, что́ думаютъ, предпочитали молчать и предоставлять наемнымъ поденщикамъ наполненіе страницъ и столбцовъ газетъ и журналовъ. Нельзя не сказать, что цензура, въ послѣднее время, была очень строга, до крайности безсмысленна и до невѣроятія пристрастна къ однимъ и враждебна къ

другимъ. Вслѣдствіе этого, сколько въ нынѣшнемъ году несостоявшихся или, до окончанія дѣлъ, разъѣхавшихся земскихъ собраній! Сколько періодическихъ изданій прекратившихся, или если и продолжающихся, то утратившихъ свой смыслъ, и потому почти ни кѣмъ не читаемыхъ! Пожалуй, есть люди радующіеся и тому и другому; сожалѣю объ ихъ безумiи и желаю имъ, если возможно, отъ него изцѣленія.

При нынѣшнемъ положеніи общественнаго мнѣнія, земскихъ собраній и администраціи, кажется невозможнымъ прямо приступить къ обсужденію, въ высшей инстанціи, важныхъ государственныхъ вопросовъ. Одинъ изъ нихъ, весьма важный и самый неотложный есть конечно переустройство нашего мѣстнаго управленія. Онъ и выдвинутъ правительствомъ теперь на первую очередь. Какъ бы гг. петербургскіе бюрократы и даже гг. сенаторы, освѣжившіеся во время своихъ ревизій, ни были премудры и благонамѣренны; какъ бы они усердно и внимательно ни отнеслись къ ими собраннымъ и имъ доставленнымъ матеріаламъ; но невозможнаго совершить они не въ состояніи. Мѣстная наша жизнь имъ неизвѣстна; они знаютъ изъ нея только отрывки, случайно имъ на глаза попадшіе, и по большей части въ превратномъ видѣ до нихъ дошедшіе; какъ же имъ устроить пригодное для того, чего они не вѣдаютъ? Если они за это возьмутся и сочинятъ проекты, то этимъ они докажутъ только то, что ихъ самомнѣніе и самонадѣянность

не имѣютъ границъ; чего отъ нѣкоторыхъ мы конечно не ожидаемъ. Земскія собранія, особенно губернскія, въ послѣднее время, явили уже до очевидности недостатки и несостоятельность своего состава. Въ первые годы своего существованія, подъ живительнымъ дѣйствіемъ великихъ реформъ 1861—1866 годовъ, они дѣйствовали усердно, порядочно и въ земскомъ духѣ. Чѣмъ они шли дальше, тѣмъ болѣе они утрачивали общенародное значеніе, и тѣмъ болѣе развивались въ нихъ дворянско-крѣпостническое и адвокатско-либеральническое направленія. Въ послѣдніе годы, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, эти собранія хотя сохранили названіе земскихъ; но земскій духъ въ нихъ отсутствовалъ; и выборы, ими нынѣ произведенные, дали бы не настоящихъ представителей, не лучшихъ людей губерніи, а случайно въ это званіе попадшихъ. И общественное мнѣніе находится не въ лучшемъ положеніи: страшная путаница понятій господствуетъ въ журналистикѣ; но она, еще въ худшемъ, если возможно, видѣ, является въ обществѣ; хватаешь себя за голову и спрашиваешь: уже всѣ мы не въ домѣ ли ума лишенныхъ? Одно вѣрно, одно не подлежитъ никакому сомнѣнію — всѣ до крайности недовольны, всѣ почти въ отчаяніи, всѣ алчутъ исхода изъ нынѣшняго положенія и готовы для того потрудиться.

Слѣдовательно, всего важнѣе, всего необходимѣе, въ настоящую минуту, *оживить* страну — озарить ее лучемъ надежды на наступающее луч-

шее будущее; и такимъ лучемъ могъ бы теперь быть призывъ ея къ участію въ устройствѣ мѣстнаго управленія.

Существуетъ теперь, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, коммиссія для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, и для внесенія ихъ, въ законодательномъ порядкѣ, въ государственный Совѣтъ. Славу Богу, этою коммиссіею еще ничего не предрѣшено; а потому еще возможно дать ея трудамъ болѣе соотвѣтственное направленіе. Пусть эта коммиссія ничего и предварительно не рѣшаетъ, а составитъ только вопросы по предметамъ, ея разработкѣ подлежащимъ. При этомъ, весьма желательно чтобы было обращено особенное вниманіе на вопросы по переустройству нашего земскаго и городскаго самоуправленія; ибо существующія Положенія по этимъ частямъ до крайности неудовлетворительны. Эти вопросы, въ редакціи сколь возможно широкой и ничего не предрѣшающей, и съ вызовомъ на высказываніе мнѣній о мѣстныхъ нуждахъ и не прямо относящихся къ постановленнымъ вопросамъ, слѣдовало бы передать на обсужденіе и заключеніе губернскихъ комитетовъ, которые можно бы составить слѣдующимъ образомъ:

Какъ у насъ имѣются три состоянія, отъ которыхъ поступаютъ и гласные въ уѣздныя земскія собранія, т. е. отъ крестьянъ, личныхъ землевладѣльцевъ и горожанъ; то и губернскіе комитеты слѣдуетъ составить изъ такихъ же выборныхъ; но

эти выборы необходимо произвести съ нѣкоторыми измѣненіями въ порядкѣ, нынѣ существующемъ. Это особенно важно въ отношеніи къ выборамъ крестьянами, ибо они всего хуже и неудовлетворительнѣе представлены въ нашихъ земскихъ собраніяхъ. Слѣдовало бы собрать, отъ каждой волости, по два выборныхъ въ уѣздный городъ для избранія выборныхъ въ губернскій комитетъ. Число послѣднихъ также должно быть по два отъ уѣзда. Всѣ эти выборные должны быть *изъ среды* крестьянъ; но старшинъ не слѣдуетъ допускать въ число выборныхъ, ибо они теперь находятся въ слишкомъ большой зависимости отъ исправниковъ и полиціи вообще, отъ непремѣнныхъ членовъ и предводителей дворянства. Выборы волостныхъ выборныхъ слѣдуетъ произвести въ волостяхъ, подъ наблюденіемъ не членовъ уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, а мѣстныхъ мировыхъ судей (участковыхъ или почетныхъ), какъ всего менѣе тяготѣющихъ на крестьянъ. Выборъ губернскихъ выборныхъ, въ уѣздномъ городѣ, могъ бы быть произведенъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя мироваго съѣзда (если онъ не предводитель дворянства, а въ этомъ случаѣ, почетнаго мироваго судьи, по избранію съѣзда). — Выборы отъ личныхъ землевладѣльцевъ можно произвести на основаніи существующихъ правилъ только съ пониженіемъ ценза на половину противъ нынѣ установленнаго, который чрезвычайно высокъ, и потому очень ограничиваетъ число лицъ, могущихъ принимать участіе въ земскихъ выбо-

рахъ. — Городскіе наши выборы вообще весьма неудовлетворительны, и въ способѣ ихъ производства необходимо сдѣлать значительныя и существенныя измѣненія; а потому, теперь, при спѣшности дѣла, невозможно устроить ихъ какъ слѣдуетъ; и приходится ими довольствоваться. Какъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ, такъ и отъ горожанъ, слѣдуетъ также назначить по два выборныхъ; такимъ образомъ, отъ каждаго уѣзда будетъ по шести выборныхъ. Въ губерніяхъ имѣется отъ 8 до 15 уѣздовъ а большею частью отъ 10 до 12; слѣдовательно будетъ выборныхъ не менѣе 48, не болѣе 120, а въ большей части губерній отъ 60 до 72. Такія собранія и не малочисленны и не слишкомъ многолюдны; и въ нихъ пренія могутъ идти надлежащимъ порядкомъ.

Эти выборные отъ уѣздовъ, собравшись, въ губернскомъ городѣ, подъ предсѣдательствомъ сперва старѣйшаго изъ нихъ, а потомъ ими самими избраннаго лица, занялись бы обсужденіемъ предложенныхъ имъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, составили бы по нимъ отвѣты, и, въ заключеніе своихъ совѣщаній, избрали бы отъ себя выборныхъ въ общегосударственный комитетъ, по два отъ губерніи, безъ всякаго различія состояній, къ какихъ эти лица принадлежатъ. Послѣднее весьма важно; ибо назначить по шести лицъ отъ каждой губерніи, т. е. отъ каждаго состоянія по два, образовало бы въ Петербургѣ такое многочисленное собраніе, что, при нашей еще малой привычкѣ къ совѣщатель-

нымъ порядкамъ, трудно было бы ему обсуждать важные вопросы: времени на это потратили бы много и, сверхъ того, былъ бы отъ этого для дѣла не барышъ а убытокъ — крестьяне очень бы мало говорили, но за то нѣкоторые говоруны похлопотали бы въ губерніяхъ о своемъ избраніи, а въ засѣданіяхъ общаго комитета, постарались бы патетическими рѣчами привлекать крестьянъ къ своимъ мнѣніямъ. Отвѣты губернскихъ комитетовъ были бы препровождены въ Петербургъ, въ коммиссію, существующую подъ предсѣдательствомъ г. Каханова; тамъ они были бы разработаны; и съ соображеніемъ съ ними, были бы составлены надлежащіе проекты. Для участія въ этихъ трудахъ, могли бы быть вызваны, по усмотрѣнію коммиссіи или ея предсѣдателя, нѣкоторыя лица изъ числа избранныхъ комитетами для присутствованія въ общемъ комитетѣ. Этотъ комитетъ, въ полномъ составѣ, т. е. въ составѣ всѣхъ выборныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, былъ бы созванъ для расмотрѣнія составленныхъ коммиссіею проектовъ; и засѣданія комитета и коммиссіи, при этомъ, могли бы быть общія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова. Эти проекты, выработанные общимъ совѣщаніемъ коммиссіи и комитета, съ отдѣльными мнѣніями ихъ членовъ, несогласившихся съ мнѣніемъ большинства, поступили бы въ Государственный Совѣтъ; гдѣ, при обсужденіи этихъ проектовъ, должны бы присутствовать съ правомъ голоса нѣсколько, и чѣмъ больше тѣмъ лучше, членовъ комитета.

Какъ не земскія собранія, существующія далеко не во всѣхъ губерніяхъ, имѣютъ обсуживать вопросы, составленные упомянутою правительственною коммиссіею; и какъ, въ устройствѣ мѣстнаго управленія, заинтересованы всѣ губерніи; то можно и необходимо учредить губернскіе и областные комитеты во всей Имперіи, и выборныхъ отъ нихъ всѣхъ призвать въ общій комитетъ. Это весьма важно и желательно, ибо оно послужило бы значительно къ объединенію нашей имперіи.

„Что же это такое?“ скажутъ многіе. „Куда же дѣвался прежній проектъ объ общей земской думѣ? Между нею и нынѣ предлагаемыми комитетами — разница огромная“! Это вполнѣ справедливо; но пригодное, возможное, даже необходимое въ одно время, можетъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, оказаться и непригоднымъ и даже невозможнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, хотя и горько сознаться, что, въ послѣднее время, мы сильно двинулись назадъ, и находимся теперь просто въ болѣзненномъ состояніи. Не теперь намъ прямо открывать новую эру существованія. Конечно я за общую земскую думу былъ и остаюсь, и безъ нея считаю наше существованіе не полнымъ и не надлежащимъ; и хотя остается мнѣ жить не долго, однако я предпочитаю не видѣть ея осуществленія, чѣмъ быть свидѣтелемъ ея неудачи и посрамлѣнія. Не при нынѣшнемъ нашемъ настроеніи, и не при существующей административной обстановкѣ, мечтать намъ о водвореніи у насъ настоящаго порядка

и желаемой свободы и обеспеченности гражданъ! Намъ необходимо и самимъ придти въ себя и съ другими постолковаться, и дать измѣниться окружающей насъ атмосферѣ. Такимъ подготовленіемъ должны быть предлагаемые губернскіе и общій комитеты. Они совершенно необходимы и нынѣ единственно возможны. Весьма желательно чтобы, объ ихъ образованіи и о предлежащихъ имъ трудахъ, былъ изданъ, сколь возможно безотлагательнѣе, Высочайшій манифестъ, и чтобы его содержаніе и редакція были сколь возможно проще и сердечнѣе, и отнюдъ не затемнялись и не уродовались обычными бюрократическими фразами. Такой манифестъ произведетъ на всѣ слои населенія животворное дѣйствіе; въ чемъ они всѣ теперь крайне нуждаются.

Иные думаютъ или по крайней мѣрѣ говорятъ, что созывъ земскихъ выборныхъ былъ бы, со стороны правительства, уступкою крамолѣ, требующей либеральныхъ учрежденій, и либераламъ, ихъ журналамъ и газетамъ, не перестающимъ опонировать правительству и домогающимся, если не прямо, то косвенно, конституціи и парламента. На это мы скажемъ:

Во 1-хъ, хотя крамола и заявляетъ требованія на счетъ либеральныхъ учрежденій; но какъ эти слова крайне растяжимы и неопредѣленны, то подъ ними она можетъ разумѣть, и вѣроятно разумѣетъ, и отмѣну всякихъ властей и передѣлъ земель и уничтоженіе личной собственности, брака и пр.;

но ужь конечно не созывъ земскихъ выборныхъ, и даже не то, чего желаютъ нѣкоторые либералы западнаго закала. Крамола съ умысломъ прикрываетъ, свои понятія и домогательства, плащемъ либерализма, надѣясь чрезъ то привлечь къ себѣ хотя нѣсколькихъ его сторонниковъ, и желая придать себѣ нѣкоторую благовидность и умѣренность; но она вовсе не раздѣляетъ его убѣжденій и относится къ нему болѣе враждебно чѣмъ даже къ реакціи. И это вполнѣ понятно и естественно: послѣдняя возбуждаетъ своими дѣйствіями общее и сильное недовольство; а этимъ подготовляется и утучняется почва подъ ея, крамолы, успѣшную дѣятельность. Во Франціи и Германіи, комунисты и соціалисты съ кѣмъ иногда подаютъ голосъ за одно? Въ первой странѣ — съ легитимистами и имперіалистами т. е. отжившими партіями; а въ послѣдней — съ клерикалами и сепіонистами, а отнюдь не съ національ-либералами и прогресистами. Гдѣ комунизмъ и такъ называемый соціализмъ всего менѣе нарушали общее спокойствіе, и гдѣ они всего безсильнѣе? Тамъ, гдѣ всего болѣе свободы и всего менѣе недовольства — въ Англіи и Сѣвероамериканскихъ Штатахъ. Нѣтъ! созывъ земскихъ выборныхъ былъ бы не уступкою крамолѣ, а самымъ тяжкимъ, ей нанесеннымъ ударомъ — такимъ, который былъ бы много дѣйствительнѣе чѣмъ всякіе суды и кары, которымъ теперь ее подвергаютъ и которые возводятъ ея сторонниковъ въ мучениковъ за народное дѣло.

Во 2-хъ, созывъ земскихъ выборныхъ не былъ бы уступкою и либераламъ, требующимъ конституціи и парламента, ибо послѣдніе ничего общаго не имѣютъ съ первымъ. Представители русскаго земства, надлежаще избранные, конечно, не поднимутъ вопроса объ ограниченіи верховной власти, и не подадутъ своего голоса за попытки, которыя, въ этомъ смыслѣ, могли бы быть сдѣланы. Такими мечтами могутъ тѣшиться нѣкоторые, еще уцѣлевшіе западники; но 99% сельскаго и городскаго населенія заставятъ замолчать этихъ фантазеровъ. Упомянутый созывъ противенъ Московскимъ вѣдомостямъ и ихъ сторонникамъ, и ими выставляется особенно опаснымъ; это вполнѣ понятно — они лишились бы того привилегированнаго положенія, которымъ они теперь пользуются и злоупотребляютъ. Правительство конечно не должно дѣлать никому исключительныхъ уступокъ; иначе оно подпадетъ подъ дѣйствіе однихъ во вредъ другимъ. Ради именно этого, важенъ и необходимъ созывъ земскихъ выборныхъ, ибо верховная власть будетъ окружена людьми не одного, нынѣ его заполонившаго направленія, а разныхъ, взаимно другъ друга разоблачающихъ; и слѣдовательно, она будетъ вполнѣ свободна и въ возможности дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ.

Наконецъ въ 3-хъ, созывъ земскихъ выборныхъ былъ бы не уступкою кому-либо, а самымъ мудрымъ, вполнѣ свободнымъ и совершенно благовременнымъ дѣйствіемъ верховной власти — та-

кимъ дѣствіемъ, которое равно подняло и успокоило бы какъ ее самую, такъ и народъ, и оказало имъ равныя услуги. Этотъ созывъ требуется какъ настоящимъ либерализмомъ, такъ и настоящимъ консерватизмомъ — какъ благомъ страны такъ и благомъ правительства; онъ указывается — предписывается государственною мудростью. Съ этимъ конечно не согласятся люди, нынѣ во власти состоящіе; они должны всячески противодѣйствовать такому Высочайшему рѣшенію; за недостаткомъ доводовъ, они пускаютъ въ ходъ всякія заподозрѣванія и застращиванія. Это — всегдашняя ихъ тактика. Для этихъ людей такой созывъ будетъ конечно гибеленъ: они держутся во власти только неправыми путями, и только тьмою и безгласностью они прикрываютъ свою неспособность, свое себялюбіе, властолюбіе и пожалуй, даже корыстолюбіе. Но, для верховной власти и для народа, упомянутый созывъ и искреннее между ними общеніе были бы не опасностью, а источникомъ успокоенія и бо́льшаго другъ къ другу искренняго довѣрія.

Въ заключеніе, повторимъ: въ интересѣ какъ Самодержавія такъ и народа — скорѣйшее, сколь возможно болѣе живое, искреннее и дѣйственное ихъ сближеніе. Самымъ вѣрнымъ, единственно возможнымъ и неминуемо успѣшнымъ къ тому средствомъ, есть, въ настоящую минуту, изданіе манифеста объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ по вопросамъ, относящимся къ переустройству

мѣстнаго управленія, и объ избраніи выборныхъ въ общій государственный комитетъ для расмотрѣнія проектовъ, по сему предмету, имѣющихъ быть составленными.

Да озаритъ насъ лучь надежды на лучшее, имѣющее наступить будущее!

Москва, 1-го Августа 1882 г.

О нынѣшнемъ положеніи сельскаго населенія.

Кто живетъ въ Петербургѣ, Москвѣ или иномъ значительномъ городѣ — вообще въ городскомъ а не въ сельскомъ городѣ (каковыхъ у насъ не мало); и кто не имѣетъ сельской поземельной собственности, тотъ не можетъ составить себѣ надлежащаго понятія о бѣдственности нашего деревенскаго быта. Думаютъ, что крестьяне, и особенно малоземельные всего болѣе страдаютъ, и объ нихъ, и въ литературѣ и въ обществѣ и даже въ правительственныхъ сферахъ, всего болѣе заботятся, говорятъ и пишутъ; а между тѣмъ, зная довольно коротко деревенскій бытъ вообще, я не рѣшаюсь сказать, крестьяне ли, личные ли землевладѣльцы болѣе бѣдствуютъ. Почти думаю, что кузнецамъ, столярамъ, сапожникамъ и пр., не имѣющимъ никакой связи съ землею, всего сноснѣе, изъ деревенскихъ обитателей, живется на бѣломъ свѣтѣ.

Вообще признается, что земля всего лучше обеспечиваетъ людей въ ихъ житьѣ-бытьѣ. Такъ оно и должно бы быть; а у насъ теперь, это оказывается какъ бы иначе. Бѣдово конечно теперь

всѣмъ на Руси; но едва ли сельскому населенію, владѣющему землею, не выходитъ всего хуже.

Начнемъ съ крестьянъ.

Кто для нихъ не командиръ? Всѣхъ могущественнѣе, произвольнѣе и всего непосредственнѣе на нихъ дѣйствующее лицо есть конечно — господинъ урядникъ. Онъ, въ своемъ маломъ участкѣ, всегда на лицо, и о чемъ ему не приходится заботиться? И улицы и дворы и горницы жителей, и ихъ дѣйствія и даже помышленія — словомъ все состоитъ въ вѣдомствѣ этого полицейскаго чиновника. А за нимъ стоятъ: становый приставъ, исправникъ, непремѣнный членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, предводитель дворянства, предсѣдатель и члены земской управы, мировый судья, судебный приставъ и всѣ даже проѣзжіе губернскіе и уѣздные чиновники. Попробуй крестьянинъ не исполнить чьего либо изъ этихъ господъ приказанія или требованія; и онъ наслушается отъ нихъ нескончаемаго множества непечатныхъ словъ, а пожалуй, подвергнется и дѣйствіямъ самымъ непріятнымъ. Но развѣ на это нельзя пожаловаться? Конечно можно; закономъ это вполнѣ разрѣшено; но вслѣдствіе жалобы пойдутъ дознанія, изслѣдованія и разныя требованія; ступай туда, сюда; жди и тутъ и тамъ. Нѣтъ! всякій крестьянинъ скажетъ, ужь лучше исполнить самое нелѣпое требованіе или перенести даже оскорбленіе, чѣмъ подвергать себя разнымъ мытарствамъ; оно и легче и дешевлѣ.

Но крестьяне пользуются самоуправленіемъ; а потому, если имъ тяжко отъ внѣшнихъ враговъ, то имъ, по крайней мѣрѣ, хорошо у себя — въ обществѣ? Нѣтъ! тутъ имъ еще хуже. По закону, они дѣйствительно выбираютъ и учитываютъ и старшину и старосту; но на дѣлѣ выходитъ, что хотя они и катаютъ шары, а назначаются эти начальники не ими, и часто совершенно вопреки ихъ желанію. Собираютъ крестьянъ на сходъ; ждутъ они нѣсколько часовъ непремѣннаго члена или исправника или инаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ; ибо безъ одного изъ нихъ, крестьяне не вправѣ приступить къ выборамъ; вѣдь это должностное лицо имѣетъ наблюдать за порядкомъ на выборахъ. Наконецъ блюститель порядка пріѣзжаетъ. Онъ призываетъ къ себѣ въ комнату одного, другаго, третьяго, и какъ бы совѣтуется съ ними на счетъ выборовъ; а дѣйствительно онъ отдаетъ имъ приказанія, кого именно выбрать. Затѣмъ является онъ на сходъ и предлагаетъ крестьянамъ приступить къ выборамъ. Предлагаются кандидаты; начинаютъ катать шары; бѣда если оказываются избранными не лица, указанныя блюстателемъ порядка. Они или по чему-либо не утверждаются или вскорѣ за упущенія по должности устраняются или даже отдаются подъ судъ. Поступившій въ старшины или старосты неизбѣжно становится покорнѣйшимъ слугою исправника и непремѣннаго члена, которые, по бо́льшей части, дѣйствуютъ сообща; и эти господа, чрезъ крестьян-

скихъ избранниковъ, часто дѣлаютъ то, чего бы они не рѣшились сдѣлать отъ своего лица. Вотъ въ дѣйствительности то крестьянское самоуправленіе, отъ котораго въ началѣ такъ много ожидали, и которое могло такъ много принести пользы крестьянству.

Крестьяне живутъ или земледѣліемъ или промыслами.

Земельные надѣлы крестьянъ, по большей части, недостаточны, и иными они и быть не могутъ. Въ 1861 году, редакціонныя коммиссіи и верховная власть исполнили свои обязанности по совѣсти, такъ, какъ лучше они тогда ихъ исполнить и не имѣли возможности. Но съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ двадцать лѣтъ; народонаселеніе значительно умножалось, и никто не помогалъ крестьянамъ ни въ пріобрѣтеніи продававшихся земель, ни въ извлеченіи бо́льшихъ выгодъ изъ состоящихъ въ ихъ владѣніи земельныхъ участковъ. Были, въ этомъ отношеніи, рѣдкія, очень рѣдкія исключенія; но вообще, въ четырнадцатилѣтіе съ 1866 по 1880 годъ, администрація не заботилась объ оказаніи крестьянамъ необходимыхъ пособій по усиленію ихъ землевладѣнія; а земскія учрежденія, отчасти по своему составу (по преимуществу дворянскому), не желали, а отчасти и не могли быть полезными въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ, какъ потому что личнымъ землевладѣльцамъ выгодно умноженіе людей, нуждающихся въ работѣ, такъ и потому что эти учрежденія не располагаютъ достаточными на то

денежными или кредитными средствами. Крестьяне все болѣе и болѣе бѣдствовали; количество лошадей и всякаго хозяйственнаго скота видимо убывало; поля истощались, а неурожаи усиливались и учащались. Личные землевладѣльцы, особенно вновь пріобрѣтшіе земли (купцы и изъ крестьянъ кулаки), постоянно поднимали цѣны на сдачу земель въ наемъ; и крестьяне, только по крайней нуждѣ, соглашались платить назначенныя цѣны, которыя отчасти выплачивались наличными деньгами, но всего болѣе служили къ закабаленію ихъ труда землевладѣльцамъ. Такъ, при этомъ, наемки на жнитво, покосъ и другія работы производились и теперь часто производятся или въ видѣ процентовъ за обожданіе денегъ, или по цѣнамъ вдвое или вполтора низшимъ противъ обыкновенныхъ.

Промыслы, въ послѣдніе двадцать лѣтъ, конечно значительно увеличились и должны бы доставлять хорошія заработки людямъ, ими занимающимся; но неурядица по этой части росла еще въ много сильнѣйшей степени. Хозяева расчитывали рабочихъ Богъ вѣсть какъ; штрафовали ихъ произвольно и безпрестанно то понижали, то повышали цѣны за работы. Рабочіе, обсчитанные хозяевами, обращались иногда къ суду, но рѣдко получали удовлетвореніе не по винѣ судей, а по причинѣ недостаточности законовъ и изворотливости заводчиковъ, фабрикантовъ и ихъ управляющихъ. Сверхъ того, цѣны на хлѣбъ, мясо, вино и другія необходимыя потребности росли еще болѣе и быстрѣе,

чѣмъ цѣны на заработки; и рабочіе часто возвращались домой съ меньшими деньгами, чѣмъ съ какими они отправлялись въ путь.

Вообще крестьянство, т. е. болѣе 80% нашего населенія находится теперь въ самомъ бѣдственномъ положеніи — худшемъ (хотя это и невѣроятно), чѣмъ оно было до 1861 года. Отъ этого терпятъ не одни бѣдные поселяне, но и люди достаточные; ибо воровства, грабежи, поджоги и другія нарушенія права собственности, умножаются съ каждымъ днемъ и гонятъ изъ деревень лучшую, самую образованную часть населенія.

Но неужель бѣдствуютъ тамъ и личные землевладѣльцы?

Да, конечно да, и едва ли менѣе крестьянъ. Они правда не голодаютъ, обуты и одѣты, не ходятъ пѣшкомъ отъискивать себѣ заработковъ; но ихъ положеніе не лучше, не болѣе обеспечено, чѣмъ положеніе крестьянъ; и только немногіе изъ личныхъ землевладѣльцевъ благоденствуютъ, ведутъ жизнь, если и не такую, какую бы они желали вести, но ни въ чемъ матеріальномъ не нуждаются и пользуются почетомъ въ своемъ обществѣ и даже со стороны администраціи. Такіе счастливцы имѣются и между крестьянами; но огромное большинство и тѣхъ и другихъ страшно бѣдствуетъ.

Во 1-хъ, личные землевладѣльцы бѣдствуютъ, со стороны администраціи, тѣмъ, что они ни отъ полиціи ни ею ни чѣмъ не ограждены. Стоитъ не быть въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ мѣстными

властями; стоитъ вести жизнь не обычную провинціяльную, не приглашать гостей на обѣды и карточную игру, и заниматься чтеніемъ и письмомъ; и тотчасъ можно попасть въ число, если и не крамольниковъ, то людей „неблагонадежныхъ“; и вслѣдствіе того, если и не быть взятымъ и отправленнымъ Богъ вѣсть куда, то подвергнуться негласному надзору, а пожалуй и обыскамъ. Землевладѣлецъ, самый „благонадежный“ развѣ обеспеченъ полиціею отъ воровъ, поджигателей, даже отъ неисполнителей его законныхъ требованій? На полицію навалено столько обязанностей законныхъ и незаконныхъ; ей приходится столько писать и отписываться, что, для исполненія ея настоящихъ службъ, у нея почти вовсе не остается нужнаго времени.

Во 2-хъ, личные землевладѣльцы бѣдствуютъ отъ своихъ сосѣдей-крестьянъ, которые считаютъ потравы и порубки дѣломъ какъ бы обычнымъ и вовсе непредосудительнымъ. Держите сторожей, даже обвѣшивайте ихъ законными значками; а ваши поля и лѣса все таки въ сохранности не останутся. Если вашихъ сторожей и не поколотятъ (что́ случается сплошь да рядомъ), и если составлены будутъ всѣ нужные акты, и вы представите всѣхъ нужныхъ свидѣтелей; то рѣшеніе мироваго судьи конечно состоится въ вашу пользу, и вы получите отъ него исполнительный листъ; но болѣе вы ничего не ожидайте, развѣ только того, что вамъ придется кой-что израсходовать на проѣздъ къ су-

дебному приставу и еще уплатить ему на проѣзды; а у вашего отвѣтчика навѣрное ничего не окажется на уплату присужденныхъ вамъ денегъ.

Во 3-хъ, личные землевладѣльцы жестоко страдаютъ отъ нанимаемыхъ ими рабочихъ. Условія, даже письменныя, составляются и свидѣтельствуются въ волостномъ правленіи, еще зимою или ранею весною, со включеніемъ въ нихъ самыхъ строгихъ пунктовъ и неустоекъ; такія условія очень охотно подписываются рабочими или, по ихъ безграмотству, кѣмъ либо по ихъ просьбѣ; они получаютъ задатки, что́ непремѣнно; и весною, въ назначенное время, они акуратно являются и получаютъ вторыя условленныя деньги. До половины или конца іюня, они сносно работаютъ; но какъ наступаетъ страдная пора, то часть рабочихъ иногда довольно значительная, уходитъ домой или къ иному землевладѣльцу. Нанять въ это время другихъ рабочихъ — нѣтъ возможности; и вы отправляетесь или кого-либо посылаете отъискивать вашихъ бѣглецовъ. Заявляете объ этомъ въ надлежащемъ волостномъ правленіи; получаете тутъ обѣщанія и увѣренія; но рабочихъ все нѣтъ какъ нѣтъ. Вы подаете просьбу мировому судьѣ; рѣшеніе конечно въ вашу пользу; и вы получаете исполнительный листъ, который доставляетъ тоже, что выше было сказано по поводу такихъ же документовъ по потравамъ и порубкамъ.

Изъ сказаннаго можно, кажется, заключить, что жизнь землевладѣльца въ деревнѣ вообще не

завлекательна; и если занятіе земледѣліемъ вообще интересно и пріятно, то обстоятельства, которыми у насъ оно обставлено, таковы, что немногіе, безъ крайней нужды, при немъ остаются. А потому и неудивительно, что землевладѣльцы, нѣсколько образованные, бѣгутъ изъ деревни, продаютъ свои земли, и поступаютъ въ ряды чиновниковъ или служащихъ въ банкахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и пр. У насъ эмиграція землевладѣльцевъ изъ деревень просто поразительна: едва треть или четвертая часть прежнихъ помѣщиковъ осталась въ своихъ имѣніяхъ. Еще земская служба кой-кого тамъ удерживаетъ; но число лицъ, могущихъ быть избранными на земскія должности, съ каждымъ годомъ, сокращается; и если обстоятельства не измѣнятся, то, пожалуй, вскорѣ придется не избирать на должности, а упрашивать добрыхъ людей ихъ принимать.

Бѣдственно житье-бытье крестьянъ; но почти такова и жизнь личныхъ землевладѣльцевъ въ деревнѣ. Если еще что́ удерживаетъ ихъ тамъ, то развѣ увѣренность, что не рай и въ городахъ, что служебныхъ мѣстъ имѣется много менѣе чѣмъ кандидатовъ, алчущихъ ихъ занять, и что русское благодушіе, терпѣніе и надежда на „авось“ — почти безграничны. По милости перваго, и гг. чиновники не строго требуютъ на мѣстахъ исполненія законовъ и предписаній, бюрократіею измышляемыхъ. Второе даетъ возможность переносить и то, что́, въ другихъ странахъ, привело бы людей въ отчаяніе. Изъ этого, конечно, выходятъ у насъ страш-

ная безтолочь и такая же неурядица; но тутъ является нашъ русскій „авось“, который, и въ тмѣ кромешной, указываетъ на лучь надежды — на лучшее будущее. Но когда и какъ оно наступитъ?

На это мы попытались отвѣтить или по крайней мѣрѣ кой-что̀ по этому поводу сказать, въ предъидущей нашей статьѣ.

ОТЗЫВЪ ПО ПОВОДУ КНИГИ:

„Письма о современномъ состоянiи Россiи. Соч. Р. А. Фадѣева".

(1882. 4-ое дополненное изданiе).

Странное дѣйствiе производитъ на читателя, по крайней мѣрѣ, на меня, чтенiе этой книги: сколько въ ней прекрасныхъ мыслей, сколько съ глубокимъ чувствомъ и смысломъ написанныхъ страницъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мало въ ней опредѣленности и живительной ясности! Прочелъ я эту книгу, въ первый разъ, за границею, въ тамошнемъ изданiи, безъ имени автора; причинъ къ обязательнымъ недомолвкамъ, казалось, не было никакихъ, а между тѣмъ, мысли автора какъ-бы ясно выраженныя на отдѣльныхъ страницахъ, оставались смутными въ ихъ совокупности. Сильно и вполнѣ справедливо говоритъ авторъ о бюрократiи и противъ нея; глубоко вѣрно опредѣляетъ онъ причины возникновенiя у насъ нигилизма, суть и дѣйствiя его; съ чувствомъ и вполнѣ основательно онъ изображаетъ положенiе нашей церкви и народныя по этой части потребности; и вполнѣ правдиво и разумно указываетъ причины общаго недовольства и единственный путь къ исходу изъ нынѣшняго нашего невыносимаго положенiя. Казалось, чего же еще требовать отъ автора? А между тѣмъ, и послѣ чтенiя и при перечтенiи книги, остаешься въ недоумѣнiи: чего хочетъ, что́ же именно предлагаетъ авторъ?

Теперь, при перечтеніи этой книги въ 4-мъ дополненномъ ея изданіи и особенно при чтеніи приписки къ нему, я надѣялся точнѣе и обстоятельнѣе узнать мнѣнія автора о томъ, что́ насъ не только интересуетъ, но всѣхъ насъ мучитъ и терзаетъ. Прочелъ, перечелъ, всячески старался вникнуть въ смыслъ разныхъ повидимому ясныхъ изложеній автора; но остался въ томъ же недоумѣніи.

Въ припискѣ къ послѣднему изданію, г. Фадѣевъ говоритъ: „намъ ставили на видъ между прочимъ, что мы не высказались опредѣленно о способѣ практическаго проведенія въ жизнь главныхъ положеній писемъ. Тѣмъ не менѣе теперь, какъ и прежде, мы не признаемъ себя въ правѣ прибавить къ сказанному что-либо существенное, кромѣ объясненія, почему мы не можемъ за это взяться, и нѣсколькихъ частныхъ разъясненій. Мы считаемъ, какъ высказалиеь уже, все личное и сочиненное неумѣстнымъ, не сулящимъ ничего сбыточнаго въ нашемъ общемъ дѣлѣ“. (Стр. 149). Думаемъ, что г. Фадѣевъ смѣшиваетъ двѣ совершенно различныя вещи: законъ и мнѣнія и предложенія гражданъ. Дѣйствительно сочинительство вполнѣ неумѣстно въ законодательствѣ; законъ долженъ быть произведеніемъ не чьяго-либо а общаго мнѣнія; но составляя статью, книгу или докладъ, мы должны не только выяснять общій смыслъ того, что́ предлагаемъ, но и излагать наше предложеніе какъ можно опредѣленнѣе и указывать какъ лучше привести его въ исполненіе. Тутъ сочинительство вовсе не порокъ, лишь бы оно не уходило

въ міръ фантастическій. Мы можемъ ограничивать свою задачу по нашему усмотрѣнію; но коли мы беремъ перо въ руки, и хотимъ что-либо предложить, то обязаны сказать, какъ, по нашему мнѣнію, предлагаемое можетъ быть осуществлено. Мы не законодательствуемъ; наши мнѣнія ни для кого не обязательны; слѣдовательно отъ нашего сочинительства ни для кого не можетъ быть вреда. Но если мы краснорѣчиво излагаемъ бѣдственность нашего положенія, указываемъ цѣль и не говоримъ по возможности опредѣленно, какъ ея достигнуть, то, издавая книгу, мы можемъ произвести „сенсацію“, но дѣйствительной пользы дѣлу приносимъ мы очень мало.

Въ послѣдней своей припискѣ, г. Фадѣевъ нѣсколько уясняетъ, какъ онъ думаетъ привести въ исполненіе предлагаемое имъ сближеніе верховной власти съ народомъ. Онъ говоритъ: „Прежде приходится заботиться о томъ, чтобъ возсоздать всескрѣпляющую общественную связку, а какъ связки этой не откуда почерпнуть иначе какъ изъ почвы, изъ земства, и какъ нынѣшнее земство требуетъ, въ этихъ видахъ, кореннаго переустройства, то нужно сначала избрать путь для созданія живаго земства, или говоря точнѣе, такого, которое могло бы и обѣщало бы стать живымъ въ дальнѣйшемъ развитіи, такъ какъ разомъ ни что не создается. Продолженіе прежнихъ пріемовъ безплодно; а потому нечего и думать о предрѣшеніи этого вопроса въ какомъ-либо петербургскомъ учрежденіи. Во-

просъ можетъ быть разработанъ только въ *мѣстныхъ* комитетахъ земскихъ, подобныхъ тѣмъ, которые были созваны для обсужденія способа освобожденія крѣпостныхъ, нынѣ конечно всенародныхъ, и не отъ существующаго земства, а прямымъ выборомъ трехъ сословій землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ и торговыхъ людей, съ *значительнымъ* участіемъ выборныхъ сельскаго населенія. . . Такъ какъ настоящая почва земства — въ уѣздѣ, *губернія же есть дѣленіе административное*, требующее постояннаго руководства со стороны власти, то и временныя совѣщательныя учрежденія для преобразованія земства должны *преимущественно* выражать мнѣнія уѣздовъ, находиться съ ними *въ непрерывной связи въ продолженіе своихъ работъ. Правительство постановитъ рѣшеніе, когда трудъ земскихъ людей будетъ совершонъ;* предварительному же обсужденію центральной власти, по нашему мнѣнію, должны подлежать лишь два предмета: способъ образованія мѣстныхъ комитетовъ изъ сословныхъ выборныхъ, и программа, установливающая кругъ ихъ дѣйствій. Первая забота государственной власти, при этомъ начинаніи, заключается, слѣдовательно, въ установленіи такого порядка выборовъ въ мѣстные комитеты, который сдѣлалъ бы ихъ вѣрнымъ отраженіемъ земли. Это самое важное дѣло. Каковъ будетъ составъ мѣстныхъ выборныхъ, таковъ будетъ и всероссійскій порядокъ, который имъ предстоитъ заложить снизу“. (Стр. 161—162).

Сколько тутъ словъ и мнѣній неопредѣленныхъ! Мѣстные (кажется, по мнѣнію автора, уѣздные) земскіе комитеты могутъ состоять изъ бо́льшаго или ме́ньшаго числа выборныхъ; какъ понимать „съ *значительнымъ* участіемъ выборныхъ сельскаго населенія“? Что значатъ слова: „временныя совѣщательныя учрежденія для преобразованія земства должны *преимущественно* выражать мнѣнія уѣздовъ, находиться съ ними *въ непрерывной связи въ продолженіе своихъ работъ?* Это очень темно; неужель выборные должны безпрестанно совѣтоваться съ своими избирателями и отдавать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Въ одномъ мѣстѣ своихъ писемъ (стр. 136), г. Фадѣевъ высказывается какъ бы за mandat impératif, хотя и не письменный, которымъ должны руководствоваться выборные; но тогда, къ чему пренія, и какой добросовѣстный и самостоятельный человѣкъ пойдетъ въ выборные? Какъ *правительство постановитъ рѣшеніе*, когда трудъ земскихъ людей будетъ совершонъ? Вѣдь получатся нѣсколько сотенъ кипъ уѣздныхъ мнѣній, и конечно весьма разнообразныхъ; кому какъ не бюрократіи придется взяться за разработку? Правда, во многихъ письмахъ авторъ говоритъ о земскихъ соборахъ, нисколько не опредѣляя ни ихъ состава, ни круга и способовъ ихъ дѣйствія; но тутъ, послѣ общенароднаго на мѣстахъ обсужденія вопросовъ, предложенныхъ правительствомъ, едва ли авторъ предполагаетъ созывъ собора; по крайней мѣрѣ онъ объ немъ, въ настоящемъ случаѣ, и

не упоминаетъ. А потому, всѣ земскія мнѣнія попадутъ въ руки бюрократіи. Замѣтьте: „правительство“ а не верховная власть „постановитъ рѣшеніе, когда трудъ земскихъ людей будетъ совершенъ“. Слѣдовательно бюрократія будетъ хозяйничить въ грудѣ земскихъ мнѣній и по самому важному вопросу — о переустройствѣ нашего мѣстнаго управленія. Едва ли таково мнѣніе и желаніе г. Фадѣева.

Не буду подробно разбирать и опровергать разныхъ мнѣній, высказанныхъ г. Фадѣевымъ и мною не раздѣляемыхъ, какъ потому что они, какъ выше сказано, очень неопредѣленно и неточно выражены, такъ и потому что, по большей части, они исходятъ изъ чувствъ и намѣреній, которымъ нельзя не сочувствовать. Отъ души благодарю его за доброе расположеніе и любовь къ земству вообще; но вижу что мало ему извѣстенъ нашъ дѣйствительный бытъ, и что не ясно ему представляются средства, даже первоначальныя, къ его исправленію. Ограничусь расмотрѣніемъ только одного предложенія, сдѣланнаго не имъ однимъ а и нѣкоторыми другими земцами, а именно: объ учрежденіи не губернскихъ а уѣздныхъ комитетовъ, и о передачѣ на ихъ обсужденіе вопросовъ по переустройству нашего мѣстнаго управленія.

Не понимаю, почему г. Фадѣевъ и нѣкоторые другіе считаютъ губернію дѣленіемъ административнымъ, а уѣздъ — чѣмъ-то инымъ, какъ бы естественнымъ, бытовымъ учрежденіемъ. У насъ,

къ прискорбію, всѣ дѣленія — губернія, уѣздъ и волость — суть дѣленія чисто искуственныя. Возьмите очень много уѣздовъ, и вы найдете въ нихъ и черноземныя и глинистыя и песчаныя и чисто земледѣльческія и чисто промышленныя мѣстности, и не какіе нибудь островки, а довольно значительныя пространства; слѣдовательно тутъ соединены и совершенно различные, даже противуположные интересы; рѣдко уѣздный городъ находится въ центрѣ уѣзда, часто онъ гдѣ-то тамъ на краю; много у насъ уѣздовъ, гдѣ крестьяне, да и не одни они, только по нуждѣ и весьма рѣдко заглядываютъ въ свой городъ, а удовлетворяютъ свои потребности на ближайшихъ базарахъ. Уѣздъ, въ отношеніяхъ административномъ и житейскомъ, не многимъ чѣмъ отличается отъ губерніи; и не вижу никакой причины считать первый яко-бы бытовою, а послѣднюю только административною единицею. Для обсужденія не только общихъ, но даже частныхъ, не чисто мѣстныхъ вопросовъ, губернія, какъ совокупность уѣздовъ, много способнѣе, болѣе подготовленна, чѣмъ всякій уѣздъ въ отдѣльности. Извѣстны многія уѣздныя и губернскія земскія собранія; и тѣ и другія носятъ на себѣ отличательныя отпечатки. Въ иныхъ уѣздныхъ собраніяхъ, почти ни о чёмъ не толкуютъ, утвердятъ бюджеты, произведутъ выборы, если таковые предстоятъ, да и всѣ по домамъ; въ другихъ собраніяхъ, одно какое-либо лицо властвуетъ и всѣ постановленія дѣлаются согласно съ его мнѣніями; и только очень немногія

уѣздныя собранія продолжаются отъ 7 до 10 дней и замѣчательны по мнѣніямъ, которыя въ нихъ высказываются, по преніямъ, которыя тамъ бываютъ, и по рѣшеніямъ, которыя ими постановляются. Губернскія собранія происходитъ совершенно иначе: конечно иногда они не могутъ состояться за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ; но это случается, по большей части, по причинамъ внѣшнимъ, отъ нихъ почти не зависящимъ; многія же собранія замѣчательны по своимъ преніямъ и постановленіямъ; вопросы разсматриваются въ нихъ съ разныхъ сторонъ, и заключенія отличаются какъ разсудительностью, такъ и благорасположеніемъ къ населенію вообще. И это даже теперь, при диктатурѣ предсѣдателей собраній, при произволѣ губернаторовъ, и при весьма неудовлетворительномъ составѣ самихъ собраній. Послѣднее обстоятельство и побудило меня, въ нынѣ издаваемой книжкѣ, особенно настаивать на томъ, чтобы, въ предполагаемыхъ губернскихъ комитетахъ, были представители отъ всѣхъ состояній, и изъ ихъ среды избранные; чтобы ихъ выборы происходили сколь возможно свободнѣе и правильнѣе; и чтобы такимъ образомъ уѣзды были представлены сколь возможно вѣрнѣе и полнѣе. Глубоко убѣжденъ что уѣздные комитеты, если бы они были учреждены, принесли бы очень мало пользы дѣлу по устройству мѣстнаго управленія; много бы на это было потрачено времени; а результатами, въ огромномъ числѣ уѣздовъ, оказались бы мнѣнія одного или двоихъ чле-

новъ, умѣющихъ писать, подписанныя всѣми остальными. Бѣдны наши уѣзды въ матеріальномъ отношеніи, но въ интелектуальномъ — они еще много бѣднѣе; и никакими выборами въ этомъ они исправлены быть не могутъ. А потому, для полученія вѣрныхъ, живыхъ и многостороннихъ свѣденій и мнѣній объ уѣздахъ, надо обратиться не прямо къ нимъ, а къ губерніи, которая вообще знаетъ ихъ хорошо, ибо имѣетъ не только отъ нихъ представителей, но и ихъ сосѣдей; и сверхъ того, она располагаетъ сообразительностью и тѣхъ и другихъ. Предложеніе объ уѣздныхъ комитетахъ изходитъ, думаю, болѣе изъ теоретическихъ, кабинетныхъ заключеній, чѣмъ изъ знанія нашего провинціяльнаго быта.

Въ заключеніе, охотно повторю съ г. Фадѣевымъ, что, въ настоящее время, всего важнѣе, необходимѣе и неотложнѣе — оживить страну, дать ей возможность, не ради забавы или отъ нечего дѣлать, а *на дѣлѣ* подумать о самомъ близкомъ для нея дѣлѣ и потолковать о немъ и на мѣстахъ и въ центрѣ. Да, въ этомъ нуждаются всѣ. Думаю что это особенно полезно и желательно и для верховной власти, ибо крайне тяжко для нея одной нести отвѣтственность за все совершающееся въ обширной нашей имперіи. Не тѣ времена, не тѣ нравы и потребности чтобы теперь легко къ нимъ относиться.

ООР